

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы

В.М. ЕФИМОВ

В работе на основе анализа текстов законодательных актов и политических дискурсов прослеживается аграрная институциональная эволюция в России. Этот анализ для советского и постсоветского периодов подкрепляется результатами обследований, проведенных автором в различных российских регионах. В результате сравнительного анализа аграрных институтов, действовавших в России в разные исторические периоды, делается вывод о существовании некой особой русской аграрной институциональной системы, состоящей из четырех институтов. Эти четыре института тесно связаны между собой, и понять их функционирование и эволюцию можно только рассматривая, как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется, сохраняя свое ядро. Проведенный анализ помогает понять, почему оказались неудачными те аграрные преобразования в России, в основу которых была положена либеральная идеология, и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас.

Введение

Российская статистика сельского хозяйства выделяет три типа хозяйств: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения (прежде всего так называемые личные подсобные хозяйства – ЛПХ – сельского населения) и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). По данным недавно проведенной сельскохозяйственной переписи, большая часть сельхоз угодий России занята сельскохозяйственными организациями (82,2%), каждая из них в среднем использует 6392,5 га; в ЛПХ сельского населения, средний размер которых 0,52 га, обрабатывается 2,5% земли; и наконец, КФХ, располагающие 7,3% земли при среднем ее размере на каждое хозяйство 101,3 га [www.perepis2006.ru]. В 2006 г. сельскохозяйственные организации (предприятия) произвели 41,2% валовой сельхозпродукции, хозяйства населения (прежде всего ЛПХ) – 52,3%¹, а крестьянские (фермерские)

¹ На естественный вопрос, как можно произвести более 50% продукции на 2,5% земли, ответ очень прост: в эти 50% входит продукция животноводства, корма для которого производятся в основном сельскохозяйственными организациями.

хозяйства – 6,5% [Российский статистический ежегодник 2007]. Названия «ЛПХ» и «КФХ» связаны с идеологическими понятиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. В советской колхозно-совхозной системе семейные хозяйства были объявлены «подсобными», обреченными с развитием этой системы на скорое исчезновение, а в период реформ 1990-х годов, когда ставилась задача превратить Россию в «нормальную» страну, т. е. страну европейского и/или североамериканского типа, предполагалось, что семейные хозяйства, аналогично тому, как это имеет место в Европе, США и Канаде, должны стать доминирующими. Идеологической базой для проекта постсоветской аграрной реформы служили, с одной стороны, распространенные на Западе идеи экономического превосходства относительно небольших семейных ферм без или с минимальным использованием наемного труда, а с другой стороны – аналогичные идеи отечественного экономиста-аграрника начала XX в. А.В. Чаянова, который называл современные ему русские семейные фермы крестьянскими хозяйствами. Название «КФХ» соединило в себе эти два идеологических влияния.

Сейчас можно констатировать, что идеологические посылки, лежащие в основе названий «ЛПХ» и «КФХ», не оправдались. Как-то не поворачивается язык назвать «подсобными» хозяйства, производящие более половины валовой сельхозпродукции страны, а вместе с тем семейные высокотоварные фермы играют в современной России скорее маргинальную роль. Причины этого можно искать в разных аспектах, в том числе и в недостатках государственной сельскохозяйственной политики.

В данной статье нынешняя ситуация в российском сельском хозяйстве будет анализироваться как результат многовековой институциональной эволюции. Такой анализ, на наш взгляд, позволит и лучше понять современное положение в этой отрасли экономики страны, и выработать реалистичную сельскохозяйственную государственную политику. Этот анализ, в частности, показал, что такие аграрные потрясения в России, как отмена крепостного права в 1861 г., Столыпинская реформа 1906 г., Октябрьская революция 1917 г., коллективизация конца 1920-х – начала 1930-х годов, а также постсоветские реформы 1990-х годов и их корректировки в начале нынешнего века разворачиваются циклически. Циклы эти могут быть представлены следующим образом: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам одна из идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов; новое законодательство оказывает (но не определяет) влияние на функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами – и мы возвращаемся к исходному пункту цикла.

Законодательство не определяет функционирование институтов, так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, поскольку социально-экономические реальности очень инерционны. Восприятие функционирования институтов различными акторами происходит через призму их правосознаний, и здесь может возникнуть конфликт легитимности и законности [Медушевский 2005, с. 13].

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений

Проделанный эволюционный анализ позволяет прийти к выводу о существовании особой русской аграрной институциональной системы, которая возникает вместе с появлением централизованного русского государства и продолжает действовать в наши дни. Под русской аграрной институциональной системой мы понимаем совокупность взаимосвязанных аграрных институтов, действующих в России со времени возникновения Московской Руси. Базовым институтом в ней всегда было, а во многом остается и сейчас, *крестьянское хозяйство*. Базовым этот институт является, с одной стороны, потому, что большая часть сельскохозяйственной продукции производилась именно крестьянскими хозяйствами, а с другой стороны – именно он обеспечивал на протяжении всей русской истории воспроизводство сельского населения. Вторым институтом русской аграрной институциональной системы является *сельская община*. Для нашего анализа не очень важно, была ли она древним русским институтом или появилась с возникновением Московской Руси. Важно то, что в русском централизованном государстве она всегда играла важнейшую производственно организующую и фискальную роль. Большую часть русской истории сельское хозяйство было основной отраслью национальной экономики и, следовательно, основным источником поступлений ресурсов государству. Русское государство всегда внимательно следило за этим источником и принимало меры, чтобы он исправно продолжал поставлять ему ресурсы. Делало оно это через свои *органы территориального управления*. Институт государственных органов территориального управления является третьим институтом рассматриваемой нами русской аграрной институциональной системы. Наконец, последним, но не последним по важности, институтом русской аграрной институциональной системы было на протяжении столетий *поместье-вотчина*. Кажущегося на первый взгляд принципиальным различия между поместьем и вотчиной (первое передается государством служилому человеку во временное владение, а вторая является его собственностью) в русской истории не было. В первые века существования централизованного русского государства вотчина имела многие черты поместья, а с середины – конца XVIII в. поместья по существу превратились в вотчины. Все четыре вышеназванных института тесно связаны между собой, и

понять их функционирование и эволюцию можно только рассматривая, как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется, сохраняя свое ядро.

Проведенный анализ помогает понять, почему претерпели неудачи те аграрные преобразования в России, у истоков которых стояла либеральная идеология, и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас.

Данный анализ может быть классифицирован, с одной стороны, как исследование, выполненное в рамках интерпретативной институциональной экономики [Ефимов 2007а, Ефимов 2007b], берущей свое начало в трудах Шмоллера [Schmoller 1998] и Коммонса [Commons 1995], а с другой стороны – как историко-этнологическое исследование [Лурье 1997, Чеснов 1998].

Исходная русская аграрная институциональная система²

Земли, на которых создавались крестьянские хозяйства в Московском царстве, были трех типов: земли церковные, принадлежавшие церковным учреждениям, земли служилые, или боярские, находившиеся во владении служилых людей, и наконец, земли государевы³. Крестьяне всюду жили на чужих землях. Однако, будучи безземельным, крестьянин XVI в. был в то же время вольным хлебопашцем, сидевшим на чужой земле по договору с землевладельцем. Его свобода выражалась в крестьянском выходе или отказе, т. е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому.

Система управления Московского царства развилась из удельно-княжеской системы. Значительные княжества делились на административные округа, называвшиеся уездами. В удельных русских княжествах административное территориальное и общинное (мирское) управление касались одних и тех же административных округов, называвшихся станами и волостями. Они создавались для организации уплаты крестьянами податей и отбывания ими повинностей. Станы и волости первоначально и составляли сельские общества, крестьянские миры, связанные круговой порукой в уплате податей. Эту первоначальную форму сельских обществ, крестьянских миров, можно назвать волостью-общиной. Административными округами (станами и волостями) управляли, с одной стороны, наместники и волостели – органы территориального управления центрального правительства, но, с другой стороны, у них было и свое мирское управление, свои мирские собрания (сходы), выбиравшие свои исполнительные органы управления. Волостное мирское управление состояло из старосты или сотского, которые «сидели на размете» – на разверстке податей и повинностей между членами общества. Назначалась обыкновенно известная определенная сумма

² Описания исходной русской аграрной институциональной системы заимствованы из книги [Ключевский 1988, т. 2, с. 188–313].

³ Последние подразделялись на два типа: государевы дворцовые и государевы черные, т. е. государственные, не находившиеся ни в чьем частном владении. Земли одного типа часто переходили в другой, и в XVII в. те и другие смешались, соединившись под одним дворцовым управлением.

податей на все общество по величине значившейся за ним по переписи земли, прежде всего пашни. Общество разверстывало эту сумму по отдельным дворам, соображаясь с земельным участком каждого двора. Такое волостное устройство существовало в удельные века и сохранялось приблизительно до XVI в. С созданием Московского государства и с развитием служилого и церковного землевладения волость как цельное сельское общество постепенно разрушалась.

В Древней Руси сельское общество называли миром и не знали слова «община», как стали именовать его в литературе XIX в., понимая под этим словом сельское общество, сложившееся к эпохе реформы 1861 г., со всеми особенностями поземельного строя общины. Существенными особенностями, в которых выражалось ее начало – общинное владение землей, можно охарактеризовать следующим образом: 1) обязательная уравнительность наделов, 2) строгое сословное значение общины и 3) круговая порука. Земля распределялась соразмерно с рабочей и податной возможностями крестьян, т. е. земля делилась между дворами по наличным рабочим силам каждого двора, при этом делилась принудительно, навязывалась. Ни принудительной уравнительности участков с их пределами, ни сословного характера поземельных крестьянских обязанностей не существовало в сельских обществах XV–XVI вв. Крестьянин брал себе участок «по силе», т. е. по своему усмотрению, договариваясь о том во владельческом или дворцовом имении с самим владельцем или с его приказчиком без участия сельского общества. Податная тяжесть вольного съемщика определялась размером снятого участка; следовательно, земля служила источником крестьянских обязанностей, а не вспомогательным только средством для их исполнения. Самые участки имели постоянный и неизменный состав. То были большей частью отдельные деревни в один-два двора с принадлежавшими каждой из них угодьями, пределы которых из века в век определялись обычным выражением поземельных актов: «куда соха, коса и топор ходили». Сам крестьянин не был прикреплен ни к участку, ни к сельскому обществу, ни даже к состоянию, свободно менял свою пашню на другую, выходил из общества и даже из крестьянства. Таким образом, в сельских обществах XV–XVI вв. не было двух существенных признаков общинного владения землей.

Поместная система, как порядок служилого, т. е. обязанного ратной службой, землевладения, установился в Московском государстве XV и XVI вв. В основании этого порядка лежало поместье. Поместьем в Московской Руси назывался участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, т. е. как вознаграждение за службу и вместе с тем как средство для службы. Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим поместье отличалось от вотчины, составлявшей полную наследственную земельную собственность своего владельца. Как и всё в Московском государстве, поместье возникло еще в удельное время; оно имело свой первоначальный источник в поземельном хозяйстве московского князя. При дворе удельного князя было два рода слуг: слуги вольные, военные и слуги дворные, дворцовые. Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по

договору. Обязательства, которые они на себя принимали, не простирались на их вотчины: служебные отношения слуг вольных были совершенно обособлены от отношений поземельных. Слуга вольный мог покинуть князя, которому он служил, и перейти на службу к другому князю, не теряя своих владельческих прав на вотчину, находившуюся в покинутом княжестве. Слуги дворные составляли хозяйственную службу князя, которая, напротив, обыкновенно обуславливалась землевладением. Удельный князь за службу дворных слуг давал им участки земли в пользование.

С середины XV в. произошли важные перемены в строе служилого класса. Во-первых, служба слуг вольных, оставаясь военной, перестает быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю московскому и переезжать в уделы, а тем паче за русскую границу. Вместе с тем слугам военным, переставшим быть вольными, московский государь за их службу дает земли на особенном праве, отличном от вотчинного. Дворцовая служба, ранее столь резко отделявшаяся от вольной, военной, с половины XV в. стала смешиваться с последней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, как и бывшие слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московского государя и ходить в походы наравне с ними. Тем и другим слугам правительство раздавало казенные земли в пользование совершенно на том же праве, на каком получали их слуги дворные XIV в., только при условии ратной службы, которой прежде они не несли. Как скоро произошли эти перемены в служебных отношениях и в служилом землевладении, это землевладение получило характер поместного. Земельные дачи, обусловленные дворцовой и ратной службой бывших вольных и дворцовых слуг, и получили в XV и XVI вв. название поместий. С той поры возникает юридическая идея поместья как земельного участка, обеспечивающего государственную службу служилого человека, ратную или дворцовую – безразлично. Это было кардинальным институциональным переворотом.

По мнению ряда авторов, данный переворот был вызван татаро-монгольским влиянием. Наверно, одним из первых, высказавших данную идею, был русский историк-правовед А.Д. Градовский. В.О. Ключевский дает следующее изложение его точки зрения: «Поместное владение предполагает верховного собственника, которому земля принадлежит как неотъемлемая собственность. Русская государственная жизнь в первый период нашей истории не могла-де выработать идеи такого верховного землевладельца: русский князь того времени считался государем, но не владельцем земли. Понятие о князе как верховном землевладельце возникло только в монгольский период. Русские князья как представители власти хана пользовались в своих уделах правами, какие имел хан на всем подвластном ему пространстве. Потом русские князья унаследовали от хана эти государственные права в свою полную собственность, и это наследство поколебало начало частной собственности» [Ключевский 1988, т. 2, с. 204]. Современный исследователь генезиса Российского государства Э.С. Кульпин высказывается по этому поводу еще более определенно: «Становление российского государства неразрывно связано с созданием государственного аппарата, главная часть которого – военные служилые люди.

Русь унаследовала от Золотой орды один из главных постулатов сначала монгольской империи, затем Золотой орды: *все способные носить оружие должны служить империи*. Унаследовала в том своеобразии, которое определялось разницей хозяйствования земледельца и скотовода. <...> В отличие от кочевников, где каждый мог непосредственно быть госслужащим в качестве военного, в земледельческой России возникла иерархическая система службы государству: крестьяне служат помещику – временному владельцу земли, предоставленной ему в качестве платы за службу государю» [Кульпин 2006, с. 128, 129]. Такая интерпретация вышеупомянутого институционального переворота становится вполне вероятной, если вспомнить, что «само возникновение Московского княжества, его территориальный рост и усиление, выдвижение на ведущие позиции в Северо-Восточной Руси, объединение под властью московских великих князей значительной части северных русских земель происходили на фоне отношений с Ордой и в тесной связи с ними» [Горский 2005, с. 3].

Поместное землевладение изменило юридический характер землевладения вотчинного. Перемена эта была произведена посредством распространения на вотчинное землевладение принципа, по которому было построено землевладение поместное. В XV в. служебные повинности распределялись на лица по земле. Благодаря этому соединению службы с землей произошла двоякая перемена в вотчинном землевладении: 1) стеснено было право приобретения вотчин, т. е. ограничен был круг лиц, имевших это право; 2) стеснено было право распоряжения вотчинами. Как скоро государственная служба как повинность стала падать на лица по земле, утвердилась мысль, что тот, кто служит, должен иметь землю. На этом принципе и строилась поместная система. Прямым его следствием стало другое правило: кто владеет землей, должен служить. В то время право земельной собственности принадлежало на Руси всем свободным классам общества, но как скоро восторжествовало указанное правило как принцип поместного владения, землевладение на личном вотчинном праве должно было стать привилегией служилых лиц. Вот почему в Московском государстве XVI в. уже нет землевладельцев-вотчинников, которые бы не принадлежали к служилому классу. Далее, ограничено было право распоряжения вотчинами. На вотчинное землевладение налагалась служебная повинность в той же степени, что и на землевладение поместное. Следовательно, вотчиной могло владеть только лицо физическое или юридическое, способное нести военную службу лично или через своих вооруженных слуг. Отсюда проистекает то, что закон стал ограничивать право распоряжения вотчинами, чтобы помешать их переходу в руки, неспособные к службе, или помешать их выходу из рук способных, т. е. предотвратить ослабление служебной годности служилых фамилий.

Частные землевладельцы, служилые помещики и вотчинники, церковные учреждения, получившие земли в черных и дворцовых волостях, становились в Московском государстве местной властью, заменяли ее. Село землевладельца с приписанными к нему деревнями и отдельно стоящими крестьянскими хозяйствами выделялось из состава волости как особый судебно-административный округ со своим вотчинным управлением, с барским приказчиком или монастырским старцем; но рядом с ними действовали сельский староста и другие мир-

ские выборные, которые вели поземельные дела своего мира с участием вотчинных управленцев, раскладывали налоги, нанимали землю у сторонних землевладельцев. Такие села и образовали новые сельские общества (сельские общины), на которые распадалась старые станы и волости. Судебник 1497 г. принимает за сельское общество без различий и целую волость, и отдельное село и этим отмечает эпоху, когда волость как общество начала разлагаться на села⁴. Впрочем, разложение было далеко не повсеместным: только крупные или особенно покровительствуемые землевладельцы получали привилегии, выделявшие их земли из волостного строя; у остальных крестьяне и в конце XVI в. «тягло государственное всякое тянули с волостью вместе». Но и сельское вотчинное общество держалось на том же основании, какое объединяло прежнюю волость: это было то же государственное поземельное тягло (подати и повинности). Значит, и для сел, и для волостей связующим звеном, соединявшим их в общества, служило поземельное тягло, не сама земля как таковая: это были сельские союзы финансовые, податные, а не собственно поземельные.

Вотчины принадлежали не только служилому классу, но также церкви и монастырям, и уже к половине XVI в. монастырское землевладение достигло обременительных для государства размеров. Чтобы остановить или хотя бы только упорядочить уход земли из служилой среды в неслужилую, в XVI в. стали запрещать монастырям без доклада государю покупать, брать в заклад и на спасение души вотчины у служилых людей. В XVIII в. при царствовании Екатерины II монастырские и церковные земли перешли к государству, что стало источником появления большей части государственных крестьян.

Закрепощение крестьянства, приватизация помещного сельского хозяйства и идеологии освобождения крестьян

Можно предположить, что описанная выше исходная русская аграрная институциональная система имела высокий уровень легитимности для всех классов русского общества XVI в., включая крестьянство. Легитимность ее происходила прежде всего из православия, заимствованного у Византии, сакрализованного восприятия царской власти, подкрепленного теорией Москвы как Третьего Рима. При этом русское крестьянское национальное сознание воспринимало земельные отношения в терминах «земля божья», «земля великого князя», «земля ничья», и все три выражения рассматривались как синонимы, а по существу речь шла о принадлежности земли государству. В соответствии с этим царь предоставлял часть своих земель в поместья и вотчины служилым людям, которые призваны были защищать Россию как оплот православия. В этом служении и только в нем русские крестьяне видели правомерность помещичьего землевладения. Изменения, произведенные правящим классом в русских аграрных институтах в XVII–XVIII вв., подрывали легитимность помещичьего землевла-

⁴ Именно в этот период большая часть русского населения быстро сосредоточилась в селениях крупных землевладельцев, оттого и выросли столь стремительно села [Кульпин 2006, с. 124].

дения в глазах русского крестьянства. Речь идет о закреплении крестьянства и приватизации поместий.

Возможность смены крестьянином места жительства и приложения своего труда, даже с учетом Юрьева дня, мало устраивала как помещиков-вотчинников, так и государство. Эта возможность создавала неопределенности и трудности в управлении регулярным поступлением средств и отбытием повинностей в пользу помещиков и в пользу государства. Соборное уложение 1649 г. полностью отменило законную возможность для крестьянина такой смены и тем самым его закрепостило. Соборное уложение явилось также серьезным шагом в приравнивании правового режима поместий к режиму вотчин по линии предоставления помещикам права распоряжения землей (Российское законодательство X–XX вв., т. 3, с. 78). Многие статьи Уложения относились одновременно и к поместьям, и к вотчинам. Окончательно приватизация поместий была завершена Екатериной II в 1785 г. в Жалованной грамоте дворянству. В соответствии с ней владение землей дворянами не является обусловленной государственной службой (военной или гражданской). Поместья стали собственностью владельцев, окончательно слились с вотчинами, и самое слово «помещик» получило значение «земельный собственник из дворян», заменив собою слово «вотчинник». Эти изменения породили утрату легитимности русского аграрного строя поместного землевладения в глазах крестьянства.

При крепостном праве крестьянское хозяйство оставалось базовым институтом, но центр русской аграрной системы сместился от сельской общины и территориальных органов управления к поместью-вотчине. Община оказалась полностью подчиненной поместью-вотчине. Она была привязана к поместью-вотчине, и поместье-вотчина, кроме того что было хозяйством помещика, стало играть роль базового территориального органа управления. Община держала под своим надзором каждого крестьянина и тем бесконечно облегчала помещику управление крепостными, а государственной власти – управление страной. Помещики являлись местными правителями, представителями государства, ничего ему не стоящими: «Что помещичье управление было управлением наиболее дешевым и удобным, государственная власть признала уже давно. С конца XVIII в. она начала копировать помещичье управление в вотчинах государственных крестьян и переносить туда крепостные порядки и вместе с тем и земельное равнение – поземельную общину. И уже в первой четверти XIX столетия почти у всех свободных крестьян устанавливаются отношения, мало чем отличающиеся от отношений, господствовавших у оброчных крепостных крестьян» [Чернышев 1997, с. 71, 72].

Крестьянская идеология базировалась на убеждении, что земля принадлежит государству и что единственным оправданием дворянского землевладения является дворянская государственная служба. Крестьяне полагали, что их земельные участки являются частью огромного государственного фонда, из которого они им предоставлялись на протяжении веков. После приватизации поместий крестьяне считали справедливым передать им помещичьи земли, ими обрабатываемые, и освободить их от барщины и оброков в пользу помещиков, так как последние были освобождены от обязанности нести государственную

службу, а если ее и несли, то за отдельное, не связанное с землевладением вознаграждение, и «кормление» крестьянами дворян-помещиков теряло в их глазах всякую легитимность. Крестьяне никогда не признавали «либеральную революцию Екатерины II», провозглашенную в Жалованной грамоте дворянству [Леонтович 1995].

К концу XVIII в. помещичья идеология была в корне отличной от крестьянской. Она основывалась на двух идеях, а именно идее повышения доходов, получаемых от поместий, и идее сохранения устойчивости крестьянских хозяйств, так как повышение доходов, получаемых с поместий, не могло быть без этого обеспечено [Confino 1963, p. 131]. Однако эта общая помещичья идеология принимала у разных представителей класса землевладельцев различные формы. Идеологический спектр помещиков, касающийся помещичьего землевладения и крепостного права, богато представлен в многочисленных проектах реформ, подготовленных государственными и общественными деятелями России⁵. Дифференциация взглядов имела место прежде всего не по вопросам воли, но по вопросам земли: отпускать ли крестьян на волю с землей или без земли, а если с землей, то только ли с приусадебным наделом или также и с полевым, а если с полевым, то какого размера? Важным вопросом, по которому шли дискуссии в проектах и вокруг них, был вопрос о сохранении или ликвидации института сельской общины. В этой дискуссии победило консервативное крыло класса землевладельцев.

Отмена крепостного права

Практически на протяжении всей русской истории, начиная с возникновения Московской Руси и кончая 1960-ми годами, правовой режим крестьянства резко отличался от правового режима других классов. По большей части этот режим не фиксировался в национальном законодательстве, а представлял собой неписаное обычное право, иногда отражаемое в предписаниях местных властей. Законодательство реформы 1861 г. интересно тем, что здесь, по-видимому, впервые важнейшие элементы этого обычного права перетекали в письменное национальное законодательство. Кроме того, что не менее важно, многие правовые понятия, используемые в законодательных актах реформы в том или ином виде, пережили советское время, а некоторые даже получают второе рождение в настоящее время. Ниже мы кратко прокомментируем отдельные статьи центрального законодательного акта реформы, которым является «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Крестьянское хозяйство имело два типа земельных участков: *приусадебный надел* (так называемую усадебную оседлость) и *полевой надел*. Первый тип участков успешно пережил советский период и продолжает существовать до сих пор. Второй тип участков был ликвидирован после коллективизации, но в настоящее время и на практике, и законодательно восстановлен. Оба эти типа уча-

⁵ См. первые две главы книги [Медушевский 2005].

стков по реформе 1861 г. предоставлялись крестьянам в *постоянное пользование*⁶. Полевая земля (полевой надел) в соответствии с этим положением предоставлялся крестьянам не только и не столько для их собственных нужд, сколько «для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком».

На территории, которую занимало имение одного и того же помещика, крестьяне образовывали как бы два органа территориального управления: один хозяйственный (сельское общество), другой административный (волость). На самом деле речь идет об одном и том же органе. *Сельское общество* представляет здесь не что иное, как поземельную общину с ее хозяйственно-управленческими и фискальными функциями. *Волость* как сельская территориально-административная единица самого низкого уровня является возвратом к системе, широко распространенной в ранний период существования Московской Руси – системе волостей-общин⁷.

Сельское общественное управление – это сельский сход и сельский староста. Ведению сельского схода подлежат выборы сельских должностных лиц и назначение выборных на волостной сход, перераспределение общинных земель между крестьянскими хозяйствами, раскладка всех лежащих на крестьянах казенных податей, земских и мирских денежных сборов, равно как земских и мирских натуральных повинностей, дела по отбыванию рекрутской повинности в той степени, в какой они касаются сельского общества, раскладка оброка и барщины между крестьянскими семьями там, где повинности в пользу помещика отбываются на основе круговой поруки целого общества. При этом подтверждается подчиненное положение старосты, следовательно, всей общины помещику, а также ее инструментальная роль по отношению к нему. Староста обязан исполнять требования помещика, т. е. помещик отдает старосте распоряжения, в случае необходимости может сместить его с должности, минуя общее собрание членов общины. Как и до отмены крепостного права, помещик продолжает выполнять полицейские функции в населенных пунктах, расположенных на территории его имения. Реформа предусматривала выкуп крестьянами у помещика как приусадебных, так и полевых наделов, причем последних только с согласия помещика. При этом правительство предоставляло крестьянам ссуду на длительный срок для осуществления этой выкупной операции.

Крестьяне враждебно встретили реформу. Размер получаемых в пользование земель был для них недостаточным, а выкупные платежи за эти земли слишком высокими. Два царских указа от 28 декабря 1881 г. были нацелены на облегчение груза, который несли крестьяне в результате реформы: первый отменяет положение крестьян как временнообязанных по отношению к помещику и причисляет их к разряду крестьян-собственников с 1 января 1883 г., а второй понижает выкупные платежи за землю [Конец крепостничества в России 1994, с. 459–461]. Однако и эти меры не удовлетворили крестьян. Их требования в

⁶ Категория постоянного пользования была основной в советском земельном законодательстве.

⁷ В советский период волости сразу превратились в сельсоветы, а после коллективизации сельские общества были заменены колхозами.

конечном счете сводились к одному: «чтобы вся земля немедленно была объявлена собственностью всего народа» и бесплатно передана «в уравнительное пользование» тем, кто трудится на ней [Данилов 1996, с. 10].

Столыпинская реформа

Помимо отмены личной крепостной зависимости крестьян от помещиков реформа 1861 г. оставила практически без каких-либо серьезных изменений все четыре элемента русской аграрной институциональной системы⁸. Первая русская революция показала, что в таком виде эта система нежизнеспособна. Последовавшая за революцией аграрная реформа, получившая название столыпинской, была нацелена на кардинальное изменение двух из четырех институтов, а именно крестьянского хозяйства и сельской общины. Революция также показала, что надежды на общину как на гарант спокойствия деревни себя не оправдали. Поэтому правящие круги взяли курс на разрушение общины и насаждение в деревне собственника, способного стать оплотом порядка [История России от древнейших времен до начала XX в., 2001, с. 152].

Основное содержание столыпинской аграрной реформы заключалось в разрешении крестьянам выхода из общины, в проведении землеустройства для ликвидации чересполосицы, «насаждении» частной крестьянской земельной собственности путем предоставления крестьянам льготного государственного ипотечного кредита через Крестьянский поземельный банк и в переселении крестьян при поддержке государства на окраины империи [Проскурякова 2004]. Ликвидировать чересполосицу предполагалось посредством объединения всех земельных полос крестьянского хозяйства в один участок (отруб). Правительство стимулировало создание хуторов, которые включали в себя отруб и добавленное к нему некое количество земли, равное доли выделявшегося крестьянского хозяйства в сенокосных и пастбищных угодьях, а также усадебного участка, переноса туда дома и построек [Там же].

По мнению В.П. Данилова, столыпинская реформа была направлена на сохранение помещичьего землевладения и расчистку крестьянских земель от «слабых» для «сильных». Однако такой расчистки в сколько-нибудь полной мере произвести не удалось. К 1915 г. из общины вышло 32,5% от числа общинников (по данным на 1905 г.), а с учетом продолжавшегося дробления хозяйств – 26% [История России от древнейших времен до начала XX в., 2001, с. 153]. В большинстве нечерноземных губерний доля «выделенцев» была небольшой (в среднем 10%), а в северных и приуральских губерниях она составляла всего 4–6% [Проскурякова 2004]. Кроме того, для оценки результатов реформы нужно учитывать, что в число «выделенцев» включали и так называемых подворников, т. е. крестьян, еще до реформы не являвшихся членами сельской общины и живших обособленным подворьем. В результате реформы «общая численность подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30–33% в 1916 г.»

⁸ Крестьянское хозяйство, сельская община, территориальное управление и поместье-вотчина.

[Данилов 1992, с. 317], их хозяйства занимали около 25–27% крестьянской земли [Danilov 1990, p. 290].

Таким образом, даже по формальным официальным данным результаты реформы были скромными. Однако этот вывод будет еще более убедительным, если начать выяснять, что же из себя на самом деле представляли выход из общины и закрепление за собой в личную собственность причитавшейся наделной земли. Чаще всего крестьяне выбирали первый вариант выхода из общины, при котором сохранялись чересполосица и совместное использование пастбищ и сенокосов. Хутора не прижились, хотя в реформе делалась ставка именно на них [Пэллот 2004].

Все вышеприведенное показывает, что столыпинской реформе не удалось ни уничтожить сельскую общину, ни существенно модифицировать институт крестьянского хозяйства. По нашему мнению, два глубоко укоренившихся элемента крестьянского сознания сыграли в этом решающую роль, а именно убежденность крестьян, что земля не может быть частной собственностью («земля Божья»), и отсутствие у большинства крестьян мотивации к обогащению⁹, что, в отличие от протестантизма, поддерживало православие. Исследования А.В. Чаянова, проведенные в разных губерниях в период осуществления столыпинской реформы, показывают, что мотивациями русских крестьян были не всемерное повышение благосостояния семьи и уж тем более не обогащение, а удовлетворение ее минимальных потребностей, ее выживание, отсюда невосприимчивость русского крестьянина к перспективам, на которые его ориентировала реформа. Эти исследования показали, что «объем хозяйства семьи зависит всецело от числа едоков, а отнюдь не от числа работников» [Чаянов 1989, с. 241].

По данным Вольного экономического общества, абсолютное большинство крестьян (от 70 до 90% отвечавших на анкету) было настроено против реформы [Российское законодательство X–XX веков, 1994, т. 9, с. 234], однако даже те, кто участвовали в ней, «взаимодействовали с реформой, модифицируя ее так, чтобы сохранить и воспроизвести некоторые из привычных практик землепользования» [Пэллот 2004]. Аналогичное явление мы будем наблюдать и при реализации аграрной реформы в 1990-е годы, но об этом ниже.

Октябрьская революция

Одним из политических результатов первой русской революции стало возникновение политических партий и Думы. Важнейшими частями программ всех политических партий были их аграрные программы¹⁰. Они демонстрируют богатый идеологический спектр, существовавший в России накануне Октябрьской революции, однако далеко не всем из этих идеологий суждено было повлиять

⁹ Мы увидим в дальнейшем, что устойчивость этих двух элементов русского крестьянского сознания станет одной из важных причин краха аграрной реформы в России 1990-х годов.

¹⁰ См. [Аграрный вопрос в программах политических партий России: Документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. М., 2000].

на эволюцию русской аграрной институциональной системы. Здесь мы ограничимся характеристикой только двух идеологий, а именно марксистской и народнической. Первая являлась идеологией РСДРП, а вторая накануне революции была представлена Партией социалистов-революционеров, Всероссийским крестьянским союзом, Трудовой народно-социалистической партией и Трудовой группой в Государственной думе.

Как известно, марксистская идеология предполагает, что социальные реальности определяются классовой борьбой. В капиталистическом обществе (считалось, что Россия того времени уже во многом стала капиталистической) противопоставлены друг другу как в городе, так и в деревне два класса, а именно буржуазия и пролетариат. В соответствии с этим РСДРП предусматривала, с одной стороны, бороться с остатками феодализма в отношениях между помещиками и крестьянами, чтобы дать свободу буржуазным отношениям, а с другой стороны – привлечь сельский пролетариат к союзу с пролетариатом городским для совместной борьбы с городской и сельской буржуазией.

В 1903 г. Ленин издает в Женеве брошюру под названием «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы». В ней, в частности, он указывает, что община (мир, общество) не есть союз, который нужен сельской бедноте, так как он объединяет крестьян как бедных, так и богатых, причем именно последние в нем главенствуют. Беднякам «нужен союз для борьбы с богатыми», а значит, «мирской союз» им не годится [с. 25]. Ленин объясняет, что богатый крестьянин не может быть союзником бедного, так как «подобно помещикам богатые крестьяне тоже живут чужим трудом» [с. 29, 30].

В своей брошюре Ленин много места уделяет среднему крестьянству. Он утверждает: «буржуазия старается привлечь среднего крестьянина на свою сторону тем, что обещает ему всякие меры для улучшения хозяйства, а также тем, что делает крестьянина участником всяких сельскохозяйственных союзов (коопераций)» [с. 35]. Он призывает средних и бедных крестьян не верить тому, что «улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей» [с. 36]. Приводя некоторые данные по сельскохозяйственной кооперации в Германии, он утверждает, что от кооперации выигрывают помещики и богатые крестьяне, а «люди, которые кричат о спасении среднего крестьянина всякими подобными союзами», просто «водят мужика за нос» [с. 37]. Что касается земельной собственности, то этот важный элемент идеологии выражен им так: «Когда мы добьемся социализма, когда рабочий класс победит буржуазию, – тогда вся земля будет общей, тогда никто не будет иметь права продавать землю» [с. 60].

Социалистическое будущее сельского хозяйства и место в нем единоличного крестьянина Ленин видел следующим образом: «Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономах *товарищеское хозяйство*, чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не более восьми (а то и шести) часов в день каждый. Тогда и мелкий крестьянин, который захочет еще по-старому в одиночку хозяйничать, будет хозяйничать не на рынок, не

на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и все, что ему нужно. Тогда не будет борьбы между крупным и мелким хозяином из-за денег, тогда не будет работы по найму, на чужих людей, а все работники будут работать на себя, все улучшения в работе и машины пойдут на пользу самим рабочим, для облегчения их труда, для улучшения их жизни» [с. 61].

Мы привели такие большие выдержки из брошюры Ленина, так как, по нашему мнению они отражают достаточно полно его взгляды относительно сельской России, которые определяли в течении многих лет, в том числе накануне и после Октябрьской революции, с одной стороны, восприятие сельских реальностей будущим главой российского государства и его соратниками, а с другой стороны – его и их революционные устремления. Однако не эти идеи легли в основу российского аграрного законодательства, регулировавшего сельскую жизнь после Октябрьского переворота. Ими оказались идеи народничества, которые были очень близки русскому крестьянству.

По-видимому, лучше всего аграрная народническая идеология, оказавшая после Октября решающее влияние на российское аграрное законодательство, которое регулировало российскую сельскую жизнь вплоть до коллективизации, т. е. в течение 10 лет, была выражена в «Проекте земельной реформы 104 членов Государственной Думы от 23 мая 1906 г.»¹¹. Этот документ выражал вековые устремления русского крестьянства к ликвидации помещичьего землевладения и уравнительное наделение землей всех, кто ее обрабатывает собственным трудом. Эти положения воспроизводились в наказах с мест депутатам в канун Октябрьской революции. 19–20 августа в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» был опубликован сводный наказ, составленный на основе 242 наказов с мест депутатам Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Знаменитый ленинский Декрет о земле есть фактически не что иное, как раздел о земле этого сводного наказа. Этот «декрет-наказ» отменял право частной собственности на землю, запрещал наемный труд и объявлял, что право пользования землей получают все граждане Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. При этом «землепользование должно быть уравнительным». Все советское земельное право до коллективизации было основано на этом декрете. За октябрьским Декретом о земле последовал Декрет ВЦИК РСФСР от 27 января 1918 г., а затем и Земельный кодекс 1922 г., который предусматривал два типа распределения сельскохозяйственных земель внутри сельского общества: по едокам и по работникам [Danilov 1990, p. 295].

¹¹ «Этот проект был выдвинут Трудовой группой (трудовики), образовавшейся в (Первой) Государственной думе; в состав ее входили депутаты-крестьяне и интеллигенция народнического направления» [Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.): Документы и материалы. М., 1995. С. 380].

Период между Октябрьской революцией и коллективизацией является совершенно особенным в эволюции русской аграрной институциональной системы. Октябрьская революция дала русским крестьянам то, что они требовали в течение веков. Социализации и перераспределению подверглись не только земли помещичьи, государственные, удельные, монастырские, церковные, но и земли крестьян-единоличников. Произошли «возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5% крестьянских земель, и «осереднячивание» крестьянских хозяйств, натурализация производства, ослабление рыночных связей и преодоление – в значительной мере – социально-экономического расслоения деревни» [Данилов 1992, с. 319]. ЦСУ СССР приводит в справочнике, подготовленном под редакцией А.В. Чаянова, следующие данные относительно средних размеров крестьянских хозяйств в 1924–1925 гг.¹²

Таблица 1. Среднестатистическое крестьянское хозяйство в 1924–1925 гг.

Территория	Число душ обоего пола (без наемных рабочих)	Вся сельско- хозяйствен- ная площадь (га)	Пахотная земля (га)	Лошади рабочие	Волы рабочие	Коровы	Всего скота в перевосе на взрос- лый
Потребитель- ская полоса	6,01	6,5	3,46	0,98	0,00	1,69	3,73
Производящая полоса	6,10	9,46	7,68	0,92	0,09	1,19	3,51
Северный Кавказ	6,05	10,3	7,35	1,06	0,92	1,64	5,63

Источник: [Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917 – 1927, с. 199].

Коллективизация

Коллективистское преобразование сельского хозяйства, т. е. уход, или, по крайней мере, уменьшение роли крестьянского хозяйства, было важным элементом большевистской идеологии. Как мы видели выше, в 1903 г. Ленин предполагал, что социалистическое преобразование сельского хозяйства в России начнется с создания рабочими на базе помещичьих усадеб «товарищеских хозяйств», и такие хозяйства, получившие название «коммуны», создавались, но показали свою абсолютную нежизнеспособность. Что касается крестьян, то они проявили свое полное нежелание трудиться сообща. По-видимому, для Ленина выгодность коллективного труда в сельском хозяйстве была настолько очевидна, что он считал это нежелание происходящим от непонимания самой выгоды и, следовательно, временным.

Но шли годы, и Ленин был вынужден отказаться от политики продовольственных конфискации периода военного коммунизма, перейти к продовольствен-

¹² Эти данные будут далее использованы для сравнения с характеристиками советских и постсоветских ЛПХ.

ному налогу НЭПа, а дело создания коллективистского сельского хозяйства застыло на мертвой точке. В то же время кооперативное движение среди русского крестьянства, начатое еще до революции, получило большое развитие. Те самые снабженческо-сбытовые, перерабатывающие и кредитные кооперативы, которые в своей брошюре 1903 г. Ленин высмеивал, как неспособные вывести крестьян из бедности, как выдумки буржуазии, стремящейся отвлечь крестьянство от союза с рабочим классом, стали повседневной реальностью русского крестьянства 1920-х годов. Ленин не мог не видеть их успехи. Все это, по-видимому, и привело Ленина в конце жизни к радикальному пересмотру своих взглядов на социалистическое преобразование в сельском хозяйстве (статья «О кооперации», написанная в январе 1923 г. и напечатанная 26 и 27 мая 1923 г. в газете «Правда»). В своей статье он высказывает следующую идею: «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую, с известной стороны, имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [Ленин 1979].

После смерти Ленина его два аграрных идеологических наследия — идеи Ленина до опубликования статьи «О кооперации» и идеи Ленина, высказанные в этой статье, — были персонифицированы соответственно Троцким и Бухариным. По мнению соратника Троцкого Е. Преображенского, в период первоначального социалистического накопления государственная экономика не может обойтись без отчуждения части прибавочного продукта, создаваемого в деревне [Préobrajensky 1966, p. 135, 136]. Преображенский предусматривал в качестве средств такого отчуждения использовать налогообложение кулаков [p. 140] и политику цен [p. 152]. Сталинская коллективизация представляет собой более радикальный вариант отчуждения части прибавочного продукта, создаваемого в деревне.

Автором советской аграрной идеологии был, безусловно, Сталин. Советская аграрная идеология является идеологией колхозно-совхозной системы, но данная система была создана, прежде всего, не в качестве реализации идеи построения социализма в деревне, а как система, отвечающая целям индустриализации. Советская власть в рамках НЭПа не смогла организовать закупки хлеба, достаточные для достижения этой цели. Именно с такой точки зрения Сталин объясняет необходимость коллективизации в своей беседе со студентами Института красной профессуры Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. (опубликована 2 июня 1928 г. в газете «Правда» под названием «На хлебном фронте»). В ней Сталин указывает на нетоварный характер середняцких крестьянских хозяйств как на причину трудностей в снабжении городов хлебом: «Это факт, что мы имеем теперь вдвое меньше товарного хлеба, несмотря на наличие довоенной нормы валовой продукции хлеба» [Сталин 1952,

с. 195]. Кажущийся парадокс легко объясняется направленностью производства продуктов питания в русском крестьянском хозяйстве на собственное потребление семьи, а не на продажу, что вытекает из приведенных в 5-м разделе данной статьи результатов исследований, осуществленных Чаяновым. Такое их свойство можно рассматривать как важную часть «социального гена» русского крестьянского хозяйства в качестве социального института. После укрупнения за счет помещичьей земли своих хозяйств крестьянские семьи стали больше производить, просто чтобы больше потреблять, но не для того, чтобы продавать и богатеть¹³. «Выход (по Сталину. – *Авт.*) состоит в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии» [Там же, с. 196].

С самого начала колхозы не имели ничего общего с кооперативами, однако миф, созданный Сталиным, оказался в течение длительного времени очень живучим: «Проводить ленинский кооперативный план – это значит подымать крестьянство от кооперации сбытовой и снабженческой к кооперации производственной, к кооперации, так сказать, колхозной» [Там же, с. 197].

Советская система сельского хозяйства, как она сформировалась под руководством Сталина и просуществовала несколько десятилетий, а в какой-то мере продолжает существовать и сейчас, не была результатом некоего детально продуманного проекта, а была определена Сталиным по итогам первых экспериментов в области коллективизации. По-видимому, начальный замысел состоял в обобществлении всех элементов крестьянских хозяйств, однако сопротивление со стороны крестьян было слишком сильным. Кроме того, прагматические цели коллективизации, а именно производство и изъятие для целей индустриализации необходимого количества зерна, не требовали этого. В своей статье, озаглавленной «Головокружение от успехов» и опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1930 г., Сталин ставит вопрос о том, каким должно быть основное звено в построении колхозной системы. Последовательно исключив из этой системы товарищества по совместной обработке земли и сельскохозяйственные коммуны, он утверждает: «...артель является основным звеном колхозного движения потому, что она есть наиболее целесообразная форма разрешения зерновой проблемы. <...> Дразнить крестьянина-колхозника “обобществлением” жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, – разве не ясно, что такая “политика” может быть удобной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?» [Там же, с. 334, 335].

Модель, которую нашел Сталин, а именно колхоз-артель, была вполне действенной с точки зрения предъявляемых к ней требований со стороны государства и достаточно жизнеспособной, так как обеспечивала физическое выживание крестьян и воспроизводство их рабочей силы. В рамках этой модели обобществлению подлежали все полевые наделы крестьян, приусадебные же участ-

¹³ Конечно, сыграли свою роль в нежелании увеличивать объемы сельскохозяйственного производства также и неблагоприятное для крестьян соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, и страх попасть в категорию кулаков.

ки (по-старому «приусадебная оседлость») оставались в пользовании крестьянских семей. В собственности крестьян оставались также жилые постройки, частью которых были помещения для скота, сам скот и птица. На объединенных наделах крестьяне, работая за «палочки», т. е. трудодни, которые либо вообще никак не оплачивались, либо имели мизерную натуральную компенсацию, фактически отбывали барщину для государства. На своих же приусадебных участках крестьянские семьи производили в основном для своего собственного потребления растениеводческую продукцию, прежде всего картофель и овощи. Общинные сенокосы и пастбища в этой модели были отданы также в пользование крестьянам для кормления их личного скота. Длительное время колхозники были обязаны также кроме «барщины» платить государству натуральный «оброк» продуктами животноводства, произведенными в личных хозяйствах (мясо, молоко, масло, яйцо, шерсть и т. д.). Эта система не была чем-то совершенно новым для русских крестьян, ведь отмена крепостного права произошла для них относительно недавно и его черты наверняка были сохранены крестьянской социальной памятью. Не было для них новым и то, что, как и крепостным, колхозникам вплоть до 1974 г. запрещалось покидать свои колхозы. Таким образом, Сталин отказался от идеи пролетаризации русского крестьянства и тем самым снял с государства ответственность за их выживание, что в случае пролетаризации ему пришлось бы сделать.

По идеологическим причинам крестьянское хозяйство колхозника было названо личным подсобным хозяйством (ЛПХ). Начиная с 1935 г. и до последних дней существования Советского Союза ограничения на размер ЛПХ почти не менялись. Семье колхозника, «колхозному двору», было разрешено иметь в пользовании приусадебный участок земли под огород, сад и другие нужды до 0,5 га, включая землю, занятую постройками. Семья могла иметь одну корову с приплодом до одного года и одну голову крупного рогатого скота до 2-летнего возраста, одну свиноматку с приплодом до 3-месячного возраста или двух свинок на откорме, до 10 овец и коз вместе, пчелосеми¹⁴, птицу и кроликов (Справочник председателя колхоза, 1983). Сравнивая эти цифры, характеризующие урезанное, т. е. без полевого надела, крестьянское хозяйство колхозника, со среднестатистическими данными о крестьянских хозяйствах в 1924–1925 гг. (см. табл. в конце раздела 6 данной статьи), легко прийти к выводу, что, кроме полевого надела и рабочего скота (лошади и волы), оно мало чем отличалось от доколхозного крестьянского хозяйства. В основном сохранилась и система правил его функционирования, на основании чего мы можем сделать вывод, что коллективизация сохранила сложившийся веками русский институт крестьянского хозяйства¹⁵.

¹⁴ Законодательство 1935 г. ограничивало в ЛПХ число пчелосемей до 20.

¹⁵ Нередко можно услышать, что коллективизация привела к исчезновению крестьянства, а еще чаще говорят о раскрестьянивании сельских жителей России. Французский социолог-крестьяновед Анри Мендра, автор книги под названием «Конец крестьянства» [Mendras 1984], совершенно правильно утверждает, что в отличие от Франции, где крестьянство после Второй мировой войны действительно исчезло, превратившись во французский тип фермеров

Несколько сложнее обстоят дела с институтом сельской общины. С одной стороны, можно сказать, что коллективизация устранила основные условия существования и функционирования крестьянской общины как организации крестьян, соседей, единоличников, совместно владеющих землей. Сельское общество формально ликвидировалось, если три четверти его членов становились членами колхоза. При этом община заменялась колхозом, которому передавались и общинная земля, и имеющаяся общинная собственность, как то: постройки, оборудование и т. д. Что касается несельскохозяйственной собственности общины-общества, то она передавалась сельскому совету, на территории которого находилась община. Приведя эти данные, В.П. Данилов делает вывод, что русская крестьянская община в процессе коллективизации, в основном в 1930 – 1932 гг., перестала существовать [Danilov 1990, p. 298, 299]. Далее он пишет, что она исчезла во время коллективизации вместе с мелким крестьянским хозяйством [Ibid, p. 301]. Как показано выше, последнее утверждение просто неверно, так как коллективизация сохранила крестьянское хозяйство, осуществив в нем только два, хотя и важных, изменения, а именно отчуждение от него полевого надела и рабочего скота. Функции сельской общины были шире, чем просто осуществление земельных переделов, и многие из них, в частности координация пользования общественными сенокосами и пастбищами, перешла к колхозу. В каком-то смысле, особенно в послесталинский период, колхоз выполнял функции обеспечения совместного выживания крестьян лучше, чем традиционный сельский мир. По нашему мнению, колхоз является прямым институциональным преемником русской сельской общины.

Советская аграрная институциональная система состояла из трех институтов: колхоз/совхоз¹⁶, личное подсобное хозяйство и сельскохозяйственный район (бывший уезд) как объект территориального управления. Последний часто не принимается в расчет, но на самом деле без принятия его во внимание сколько-нибудь верное понимание советского сельского хозяйства становится невозможным. После Октябрьской революции полностью как хозяйственная единица и как институт поместье исчезло. На наш взгляд, коллективизация привела к тому, что многие черты института поместья были унаследованы, с одной стороны, колхозом, а с другой стороны – сельским районом. На самом деле реальным государственным поместьем-предприятием был сельский район, во главе которого стоял первый секретарь райкома, объединявший в себе функции и заместника центральной власти, и управляющего государственным районным предприятием. Официально социалистическими сельскохозяйственными предприятиями считались колхозы и совхозы, но на практике они являлись всего лишь цехами сельхозпредприятия-района. И в этом состоит существенная разница подходов ВКП(б)/КПСС в управлении промышленностью через отраслевые министерства и сельским хозяйством – непосредственно через райкомы, несмотря на наличие Министерства сельского хозяйства. Центральным лицом, принимающим решения по отношению к колхозу, был не его председатель, а

(agriculteurs, éleveurs), в России колхозник остался в значительно большей степени крестьянином, чем наемным работником [Mendras 1995, p. 52; Kitching 1998].

¹⁶ Разница между колхозами и совхозами начиная с 1960-х годов практически полностью исчезла.

первый секретарь райкома. Это он принимал решения, когда колхоз должен начать сеять, когда убирать, сколько коров держать, какие технологии использовать и т. д.¹⁷ Ну а важнейшей его обязанностью было обеспечить выполнение хлебозаготовок. Лозунг «Сдать хлеб государству!» стал называться первой заповедью колхозника. Как правило, именно в районном центре, рядом с железной дорогой, строился государственный элеватор, куда стекалось все зерно из района, часто и семенное тоже.

В начале коллективизации сельские партийные органы видели задачу в ее проведении, в создании колхозов, а не в непосредственном управлении ими. В своей речи 11 января 1933 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин наставлял партийных руководителей, внушая им, что такой подход не является правильным: «Партия уже не может теперь ограничиваться отдельными актами вмешательства в процесс сельскохозяйственного развития. Она должна теперь взять в свои руки руководство колхозами» [Сталин 1952, с. 437]. Из всех трех институтов советской аграрной институциональной системы, а именно колхозов, ЛПХ и районов, только первые два были достаточно детально отражены в советском законодательстве, которое часто принимало форму не законов, а «постановлений партии и правительства». Что касается третьего, особенно роли партии в непосредственном хозяйственном руководстве, законодательство о нем умалчивало, предоставив партийным органам возможность почти любого произвола.

Эволюция русской аграрной институциональной системы в советский период

В истории советской аграрной институциональной системы можно выделить два периода: сталинский и постсталинский. Вторым отличался от первого прежде всего тем, что крестьянство перестало рассматриваться властями как враждебная масса, а деревня исключительно как источник ресурсов для города. Вторым периодом характеризуется началом массовых закупок продовольствия, и прежде всего зерна, за рубежом. Радикальный поворот в советской идеологии иллюстрируется следующим отрывком из выступления Хрущева на декабрьском Пленуме ЦК КПСС 1963 г.: «Нашлись, оказывается, и такие люди, которые рассуждали: как же так, раньше при меньших валовых сборах зерна мы сами продавали хлеб, а теперь покупаем. Что можно сказать таким людям? Если в обеспечении населения хлебом действовать методом Сталина–Молотова, то тогда и в нынешнем году можно бы продавать хлеб за границу. Метод был такой: хлеб за границу продавали, а в некоторых районах люди из-за отсутствия хлеба пухли с голода и даже умирали»¹⁸. По сравнению со сталинским периодом объем производства и заготовок зерна заметно увеличился, но одновременно резко возросло и потребление: «Так, довоенный уровень питания в семьях колхозни-

¹⁷ Первый секретарь райкома для подготовки решений имел в своем подчинении не только собственноручно аппарат райкома, но также и сельхозотделы райисполкомов.

¹⁸ Цит. по [Зеленин 1999, с. 92].

ков по наиболее калорийным продуктам был заметно превзойден уже в середине 1950-х годов, а в 1958 г. по сравнению с 1940 г. они потребляли в 6 раз больше сахара, в 3 раза больше кондитерских изделий и рыбных продуктов, в 2 раза больше мяса» [Зеленин 1999, с. 92, 96].

Хрущев настаивал на необходимости повышения благосостояния населения и подчеркивал особую роль сельского хозяйства в этом процессе. В новой Программе КПСС, составленной под его руководством, указывалось, что партия должна организовать мощное повышение производительных сил сельского хозяйства, которые позволят решить две тесно связанные между собой проблемы: а) достигнуть изобилия высококачественных продовольственных продуктов для населения и сырья для промышленности; б) обеспечить последовательный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и в основном ликвидировать различия между городом и деревней [Программа Коммунистической партии Советского Союза, 1962, с. 75–76]. Хрущев сформулировал цель: увеличить в течение 10 лет в два с половиной раза, а в течение 20 лет в три раза общий объем производства сельскохозяйственной продукции. Советский Союз должен был за 10 лет обогнать Соединенные Штаты Америки по производству основных видов сельхозпродукции на душу населения [Программа Коммунистической партии Советского Союза, 1962, с. 77–78].

Основной идеей сельскохозяйственной политики Хрущева было значительное повышение капиталовложений в сельское хозяйство. Немедленным следствием этой идеи в рамках советской аграрной системы, созданной Сталиным, стало увеличение вовлеченности партийного руководства в непосредственное управление сельским хозяйством. Вначале коллективные хозяйства не были обширными, каждый занимал земли, примыкающие к одной деревне, поэтому количество колхозов в административном районе (бывшем уезде) было достаточно большим. Так как основная деятельность первого секретаря райкома ограничивалась обеспечением сдачи зерна и других сельскохозяйственных продуктов государству, то он мог справиться с этой задачей. Направление значительного количества ресурсов в деревню требовало от районного партийного руководства умелых действий по их распределению и использованию. Для того чтобы руководитель был в состоянии передавать свои решения исполнителям (руководителям хозяйств), ежедневно получать и осмысливать разнообразную информацию из хозяйств, он мог иметь дело только с ограниченным числом этих хозяйств. С увеличением объема перерабатываемой информации и числа принимаемых решений, вызванных ростом инвестиций, возникла необходимость уменьшения количества хозяйств, находившихся в подчинении первого секретаря райкома, а следовательно, увеличения размера хозяйств при неизменности административно-территориального деления. В соответствии с психофизиологическими способностями человека, для руководителя, осуществлявшего подобную деятельность, требовалось иметь примерно 30 человек в подчинении¹⁹.

¹⁹ Данный постулат подтверждается, в частности, тем, что число солдат в первичной воинской единице армий всех стран мира, а также количество учеников в школьном классе и студентов в вузовской группе обычно не превышает этого порога.

По нашему мнению, политика укрупнения колхозов была вызвана прежде всего проблемой управляемости колхозами со стороны партийных органов в условиях резкого увеличения потока ресурсов из города в деревню. При этом часть деревень была объявлена «неперспективными», т. е. обречена на медленное вымирание²⁰. Иногда хозяйства, созданные путем такого объединения колхозов, объявлялись совхозами. Как уже отмечалось выше, к 80-м годам разница между колхозами и совхозами практически исчезла. На целинных землях, там, где хозяйства в виде совхозов создавались на пустом месте, их количество в административных районах сразу определялось с учетом вышеуказанного порога психологических возможностей человека²¹, а так как площадь районов, границы которых чаще всего совпадали с границами царских уездов, была большей, чем в европейской части страны, то и размер хозяйств был здесь большим. Нижеследующая таблица показывает, что среднее количество хозяйств в административных районах оказалось примерно равным половине порога психофизиологических возможностей человека.

Таблица 2. Средние размеры колхозов и совхозов и их количество в административных районах

1988 г.	Кол-во административных районов	Кол-во колхозов	Кол-во совхозов	Среднее кол-во колхозов и совхозов в районе	Средний размер хозяйства (колхоза/совхоза), га
СССР	3193	27 300	23 300	15,8	11 017,8
Россия	1839	12 200	12 800	13,6	8700

Источник: [Народное хозяйство СССР в 1988, 1989 гг.]

Таким образом, хотя в эпоху Хрущева существенных институциональных изменений в сельском хозяйстве не произошло, тем не менее были усилены определенные стороны функционирования института колхоза/совхоза и института районного управления им. Хрущев попытался уменьшить значение, а в перспективе и ликвидировать личные подсобные хозяйства и тем самым радикально отойти от русской аграрной институциональной системы, однако это ему не удалось.

В эпоху Брежнева продолжалась линия на повышение капитальных вложений в сельское хозяйство, оплату труда колхозников. Типовой Устав 1969 г., который был несколько изменен и дополнен в 1980 г., предусматривал, что

²⁰ А.А. Никонов подсчитал, что в течение 30 лет после принятия этого решения ежедневно в России исчезало 13 деревень [Никонов 1995, с. 221].

²¹ Автор, работая в 1995–1997 гг. в качестве консультанта в Акмолинской (бывшей Целиноградской) области, заметил, что количество хозяйств в районах, близлежащих к областной столице, выше, чем в отдаленных от нее районах. По нашему мнению, объясняется это тем, что в ближних к областному центру районах телефонная и дорожная сети лучше, чем в отдаленных, а потому возможности коммуникации между совхозами и райцентром также лучше, что дает возможность райцентру управлять большим количеством хозяйств.

«колхоз устанавливает за работу в общественном производстве гарантированную оплату труда членов колхоза» [Справочник председателя колхоза, 1983, с. 8]. Руководители страны полагали, что работники сельского хозяйства, особенно рядовые, работают недостаточно эффективно из-за того, что их труд плохо оплачивается. Оплата их труда была резко повышена и в 80-е годы мало чем отличалась от оплаты труда рабочих в промышленности. Активно практиковалась сдельная оплата труда, в частности в животноводстве доярки получали деньги за количество надоев молока. Однако все это в целом не принесло ожидаемых результатов. Иногда результат был даже противоположным. Открытые Чаяновым черты русского крестьянства, а именно ограничение в потреблении и отсутствие стремления к повышению благосостояния, продолжали сказываться при работе как в своем крестьянском хозяйстве, так и в колхозе/совхозе: получая за свой труд по более высоким расценкам, они работали меньше, ориентируясь на сохранение достаточно низкого уровня оплаты труда, который тем не менее их устраивал. Увеличение капитальных затрат и повышение оплаты труда сделало колхозы/совхозы еще более нерентабельными. На погашение текущих затрат и выплату заработной платы государственный банк выдавал краткосрочные кредиты, которые почти никогда не возвращались. Долги хозяйств нарастали и время от времени списывались. Особенно тяжелое положение было в животноводстве, и советское руководство намеревалось частично решить проблему с помощью личных подсобных хозяйств.

При Брежневе ЛПХ перестали рассматриваться как нечто такое, чему суждено исчезнуть в самое ближайшее время. Новая установка состояла в другом: личные подсобные хозяйства должны быть интегрированы в общественное производство. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. разрешало и даже рекомендовало содержать в хозяйствах, т. е. колхозах/совхозах, пастухов для пастьбы скота, принадлежащего не только работникам хозяйств, но всем, кто проживает на территории этих хозяйств. Предписывалось предусматривать в производственно-финансовых планах обеспечение всех ЛПХ граждан, проживающих на их территории, кормами для скота и птицы, производить вспашку огородов и оказывать другую помощь. В постановлении предусматривалось предоставление кредитов работникам хозяйств для приобретения коров (до 500 руб.) и телок (до 250 руб.) [Справочник председателя колхоза, 1983, с. 477]. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 г. под названием «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах» предусматривается дальнейшая интеграция колхозов/совхозов и ЛПХ. Согласно этому документу определено, что скот, выращиваемый населением по договорам с хозяйствами, может содержаться в ЛПХ сверх норм, установленных законодательством, т. е. Типовым уставом колхоза [с. 478]. Постановление вызывало заинтересованность у хозяйств в том, чтобы закупать у населения животноводческую продукцию, поскольку она засчитывалась им в объем производства и выполнения государственного плана с выплатой установленных надбавок [с. 478]. Эту деятельность предполагалось развернуть в широких масштабах, и потому совхозам разрешалось, а колхозам рекомендовалось иметь

заместителя председателя/директора по вопросам ведения личных подсобных хозяйств работниками совхозов и членами колхозов [с. 479]. Наконец, постановление сделало серьезный шаг к возвращению русским крестьянским хозяйствам полевых наделов: оно предусматривало выделение дополнительных участков для выращивания кормовых культур тем гражданам, которые заключили с колхозами/совхозами или же с организациями потребительской кооперации договора на производство животноводческой продукции [с. 479]. Для помощи ЛПХ в Постановлении рекомендовалось хозяйствам иметь необходимое количество лошадей и средств малой техники [с. 480].

Эпоха Горбачева в эволюции советской аграрной институциональной системы началась с его назначения в 1978 г. на пост секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. По существу, единственным институциональным новшеством, им введенным, было создание суперминистерства «Агропром» и соответствующих структур в областях и районах, что нашло отражение в одном из постановлений, принятых на майском Пленуме ЦК КПСС 1982 г. [Продовольственная программа СССР на период до 1990 г., 1982, с. 76–85]. В это время считалось, что многие беды сельского хозяйства идут от ведомственной разобщенности. «Сельхозтехника» и «Сельхозхимия» управлялись из центра, и на уровне района не всегда достигалась нужная координация решений. Создание районных агропромышленных объединений (РАПО) должно было исправить это положение. Однако превращение начальников сельхозотделов райисполкомов в председателей РАПО мало что изменило по существу [Резервы аграрной экономики 1984].

Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев очень поддерживал и всячески стимулировал практическое применение коллективного (бригадного и семейного) подряда. Это было отражено в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1986 г. Однако практика использования договоров подряда внутри колхозов/совхозов довольно быстро выявила противоречия между фактическим статусом членов подрядных коллективов, с одной стороны – как наемных работников и членов местной сельской общины, а с другой стороны – как членов образований (бригад или семей), формально равноправных партнеров с этими колхозами/совхозами. Независимость подрядных бригад постоянно нарушалась всяческими административными вмешательствами, даже условия договоров нередко произвольно подвергались «корректировкам». Враждебное отношение к тем, кто решался работать на подряде, проявлялось со стороны не только колхозно-совхозного руководства, но и рядовых работников, так как подрядная система нередко вызывала очень высокую дифференциацию оплаты труда, с чем большинство не могло согласиться. В результате либо подряд закрывался административно, либо бригада сама от него отказывалась. В своем выступлении на XXVII съезде КПСС Горбачев указал на необходимость творческого использования в тех условиях ленинской идеи продналога [Материалы XXVII съезда КПСС, 1986, с. 31]. Три года спустя это указание было реализовано в Постановлении Совета Министров СССР от 5 апреля 1989 г.: колхозы и совхозы получали право свободно продавать свою продукцию, оставшуюся после выполнения ими обязательных поставок государству.

С 1987 г. в рамках перестройки советское руководство позволило начать деятельность частных предприятий в виде кооперативов. Постановления правительства по этому поводу были опубликованы в апреле 1987 г., а в мае 1988 г. Верховный Совет СССР принял закон о кооперативах, который вступил в силу с 1 июля того же года. Закон отражал многовековой раскол между русским селом и городом. Его сельскохозяйственная часть по сути подтверждала существовавшую колхозную систему. Напротив, его несельскохозяйственная часть действительно открывала двери для частной хозяйственной деятельности. Именно этой частью закона и воспользовались те, кто желал создать свои фермерские хозяйства, которые были означены чисто формально как производственные кооперативы. В списке видов их хозяйственной деятельности значилось производство сельскохозяйственной продукции. Советское руководство и, по-видимому, в первую очередь сам Горбачев надеялись, что частная деятельность будет не основной, а только вспомогательной, преимущественно при государственных предприятиях и организациях. Предполагалось, что взаимодействия участников и государственных предприятий и организаций должны осуществляться в виде отношений аренды. 7 апреля 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял по этому поводу постановление. Однако аренда внутри колхозов и совхозов не получила сколько-нибудь широкого распространения по той же причине, что и несколько ранее коллективный подряд.

Важным законодательным актом перестройки явился Закон СССР от 28 февраля 1990 г. под названием «Основы законодательства СССР и союзных республик о земле». В нем осуществлен отход от категории «пользование», (применительно к юридическим лицам – «постоянное пользование»), которая была центральной категорией советского земельного права, к категории «владение». Это юридическое понятие применительно к физическим лицам приняло форму «пожизненного наследуемого владения», а применительно к юридическим лицам – форму «постоянного владения».

Сразу после обнародования в апреле 1987 г. постановлений правительства СССР о кооперативах спонтанно, в основном горожанами, стали создаваться частные сельскохозяйственные предприятия, юридически оформленные как кооперативы. Их возникновение не было массовым явлением, но к тем, кто их создавал, сразу приковывалось внимание прессы. Советские руководители всех уровней не хотели заменять колхозы/совхозы частными хозяйственными образованиями, но желали позволить «фермерам» действовать там, где колхозы/совхозы проявляли свою полную беспомощность. Это касалось, в частности, обширных пространств Нечерноземья, т. е. исконных и исходных территорий Московского государства. Деревня в этом регионе России к 80-м годам прошлого века сильно обезлюдела, и сельское хозяйство, в особенности животноводство, очень страдало от недостатка рабочих рук. Руководители некоторых колхозов/совхозов позволяли людям, того желающим, создавать в отдаленных от центральной усадьбы местах свои мелкие хозяйства. В этих местах имелись животноводческие помещения и земли, которые либо вообще не эксплуатировались, либо использовались очень плохо. В каком-то смысле советское начальство рассматривало деятельность этих частных хозяйств как подобие коллек-

тивного подряда. Создатели же частных хозяйств пытались делать совсем по-другому, а именно преобразуя колхозно-совхозное сельское хозяйство в сельское хозяйство западного (фермерского) типа, усматривая в этом начало настоящей аграрной реформы. Эта «реформа» не была официально объявлена или одобрена, но и не была осуждена, однако вызвала самые противоречивые реакции со стороны представителей власти. В то время главную роль в подготовке и подталкивании аграрной реформы играли советские средства массовой информации. Не научные работники, а прежде всего журналисты обследовали коллективные хозяйства и пытались выявить причины их неэффективности. В телевизионных передачах и объемных газетных статьях пропагандировалась эффективная работа западных фермеров и обслуживающих их кооперативов; вместе с тем велась рекламная кампания, направленная на телезрителей и читателей, в ходе которой их представляли как героев. Выше отмечалось, что большинство этих фермеров были горожанами, а сельские жители, несмотря на активную пропаганду, не проявляли интереса к созданию своих частных товарных хозяйств. Это же явление сопровождало и все реформенные 1990-е годы.

По инициативе ряда журналистов и некоторых научных работников, глубоко вовлеченных в эту необъявленную аграрную реформу, была создана Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР). Руководство АККОР инициировало разработку в Верховном Совете РСФСР проекта Закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», который был принят 22 ноября 1990 г. За этим первым российским реформаторским законом тут же последовал Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе». Для того чтобы понять и правильно оценить содержание данных законодательных актов, принятых за год до распада Советского Союза, нужно иметь в виду, что это был период конфронтации президента РСФСР Б.Н. Ельцина и президента СССР М.С. Горбачева. Она проявлялась, в частности, в так называемой войне законов, при которой Ельцину и его окружению необходимо было показать, что они стоят за действительно глубокие реформы в отличие от консервативной советской бюрократии во главе с Горбачевым. В результате такой борьбы законы превращались в совокупность либеральных лозунгов, а не в совокупность действующих либеральных норм. Земельный кодекс от 25 апреля 1991 г. также вобрал в себя эти противоречия.

Аграрная реформа в России 1990-х годов

Идеология российской экономической реформы 1990-х годов в целом и ее аграрной части была экспортирована в Россию с Запада. Сразу же после назначения нового российского правительства во главе с Е.Т. Гайдаром, которое приступило к работе в ноябре 1991 г., группа иностранных советников во главе с Джеффри Саксом прилетела в Москву. «Гайдар публиковал статьи и много раз выступал, разъясняя свою политику. Но первой реальной экономической программой был Меморандум об экономической политике Российской Федерации (теневая программа МВФ без финансирования), который был принят правительством 27 февраля 1992 г.» [Ослунд 1996, с. 88 – 89].

Что касается аграрной части экономической реформы, то она также, как и общая ее часть, была продиктована иностранными консультантами, оплачиваемыми международными финансовыми организациями. Одновременно с группой Сакса в ноябре 1991 г. в Москву прибыла команда международных экспертов Всемирного банка, представившая следующие среднесрочные рекомендации, касающиеся земельной реформы и реструктурирования хозяйств:

«Установить полные права владеть, покупать, продавать и закладывать землю без каких-либо ограничений.

Устранить правовые ограничения на размер хозяйства и право найма рабочей силы.

Ввести ясные процедуры по распределению земельных участков и имущества совхозов и колхозов между их работниками (они должны быть свободны в выборе, основанном на соответствующей информации относительно имеющихся вариантов способов организации своих хозяйств).

Ввести к середине 1993 г. законодательство о банкротстве хозяйств и принудить финансово нежизнеспособные хозяйства пройти через процедуры банкротства или ликвидации к концу 1993 г.

Установить процедуры земельных аукционов.

Пересмотреть законодательство с тем, чтобы облегчить создание добровольных, коммерческих кооперативов, в частности на основе трудовых ресурсов и капитала совхозов и колхозов.

Начать работу по переводу управленческих функций и функций социального обслуживания от государства и колхозов к местным органам власти» [Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition, 1992, p. 7, 8].

Исходя из либеральной идеологии, на основе которой данные рекомендации были разработаны, не имеет большого значения, каково первоначальное распределение земли и других средств производства между свободными экономическими агентами, так как рынок очень быстро перераспределит эти ресурсы в пользу эффективных собственников, владеющих предприятиями оптимальных размеров. Вот почему первоначальное справедливое, равное по земле и пропорциональное заработной плате и стажу распределение ресурсов колхозов/совхозов между их работниками в соответствии с этой идеологией является вполне допустимым. Как признался один из членов команды Гайдара: «Задача (реформы. – *Авт.*) состояла в формально юридическом отсоединении сельхозпредприятия от государственных систем финансирования, сбыта и снабжения в надежде на то, что под воздействием рыночного окружения оно начнет экономически приспосабливаться к новой ситуации, соответственно меняя свою внутреннюю структуру и поведение во внешней среде» [Гайдар 1998, с. 580]. Если целью вышеприведенных рекомендаций Всемирного банка было действительно создание в России сельского хозяйства, аналогичного тому, что существует на Западе, то тогда можно предположить, что эксперты Всемирного банка просто не знали аграрных институциональных систем своих стран. Изучая эти

рекомендации, можно подумать, что они хотели создать в России систему, которая не существует и никогда не существовала нигде в мире²².

Первым законодательным актом аграрной реформы²³ был Указ Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». Указ предусматривал, что совхозы и колхозы обязаны в 1992 г. провести реорганизацию и привести свой статус в соответствие с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности», в котором не были предусмотрены такие формы предприятий, как колхоз и совхоз. Местным органам исполнительной власти предписывалось обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников государственных предприятий на беспрепятственный выход из них для создания крестьянских (фермерских) хозяйств. Коллективы колхозов и совхозов, использующих землю на праве бессрочного (постоянного) пользования, в соответствии с этим Указом должны были до 1 марта 1992 г. принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности. Местные администрации должны были обеспечить выдачу гражданам, ставшим собственниками земли, соответствующих свидетельств на право собственности на землю. Указ обязывал руководителей хозяйств в течение одного месяца со дня подачи заявления о создании крестьянского (фермерского) хозяйства выделить земельные доли работника и членов его семьи в натуре. Одновременно с земельной долей выделялся и имущественный пай. Этот же Указ предоставлял крестьянским хозяйствам право залога земли в банках, а банкам разрешал выдачу кредитов под залог земли. Положения этого Указа Президента были развиты в Постановлении Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Постановление предусматривало такую радикальную меру, как ликвидация колхозов и совхозов, которые не обладали финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам.

Аграрная реформа, контуры которой были определены в вышеназванных Указе и Постановлении, не двигалась. Они либо вообще не выполнялись, либо выполнялись чисто формально в виде смены вывесок, без каких бы то ни было существенных реальных изменений в функционировании аграрных институтов советского типа. Сопротивление реформе на местах сопровождалось сопротивлением ей в Минсельхозе и в российском парламенте. В 1992 г. наметилось, а в 1993 г. приняло особую остроту противостояние исполнительной и законодательной ветвей власти России. В области земельного законодательства это выражалось в отказе российских парламентариев принимать Земельный кодекс, где были бы разрешены купля-продажа и залог земель сельскохозяйственного назначения, за исключением приусадебных участков.

В декабре 1993 г. в России была принята новая Конституция, и вслед за этим 24 декабря 1993 г. Президент подписал Указ «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Рос-

²² Это в особенности касается первых двух положений приведенных рекомендаций.

²³ Полная подборка законодательных актов аграрной реформы 1990-х годов приведена в [Аграрное законодательство Российской Федерации, 1999].

сийской Федерации». Этот Указ отменил значительное число статей Земельного кодекса РСФСР, принятого в 1991 г. В свою очередь Дума разработала проект Земельного кодекса, многие формулировки в статьях которого, посвященные особенностям оборота земель сельскохозяйственного назначения, нацелены на то, чтобы запретить куплю, продажу и залог земель этого типа. Президент в соответствии с правом, данным ему Конституцией Российской Федерации, отклонил Земельный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной думой 11 июня 1997 г. и одобренный Советом Федерации 3 июля 1997 г. В ответ на это 22 апреля 1998 г. Государственная дума повторно приняла Земельный кодекс, отклоненный Президентом, и опять направила его в Совет Федерации.

В ходе аграрной реформы 1990-х годов было подорвано сельское хозяйство России, но абсолютно не удалось серьезно изменить его институциональную структуру. 1990-е годы характеризуются обвальным падением объемов производства сельскохозяйственной продукции. Практически объем сельхозпроизводства сократился вдвое и приблизился к дореволюционному [Сельское хозяйство в России, 1998, 2000]. Юридически формально преобразовавшись из колхозов и совхозов в кооперативы, акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, сельхозпредприятия мало изменились с институциональной точки зрения, т. е. правил своего функционирования. При этом, будучи нерентабельными, они последовательно теряли свою материальную базу. В 1990-е годы фермерские хозяйства не получили сколько-нибудь серьезного развития, с 1994 г. их количество практически не меняется. В эти годы площади сельхозугодий, занятых переименованными колхозами/совхозами, изменились незначительно, особенно если принять во внимание то, что до реформы пастбища для выпаса индивидуального скота входили в состав колхозно-совхозных земель, а с самого начала реформы были приписаны к местным советам. Площади ЛПХ удвоились, но по-прежнему занимали ничтожную долю земель (около 3%). Что касается собственности на землю, то «около 70% площадей, находящихся в пользовании сельхозпредприятий, принадлежит акционерам этих предприятий в форме земельных долей» [Коробейников 2003, с. 53]. По данным Федеральной службы земельного кадастра, собственники земельных долей распорядились ими следующим образом: 72,6% передано в аренду (в основном своим сельхозпредприятиям); 19,3% передано в уставной капитал на правах пользования; 3,3% передано в уставной капитал; 4,1% выделено в натуре для ведения крестьянского хозяйства; 0,7% выделено в натуре в счет расширения ЛПХ [Там же, с. 235].

Доля хозяйств населения в сельхозпроизводстве существенно выросла, но не столько из-за увеличения объемов производимой продукции, сколько из-за резкого падения производства в бывших колхозах/совхозах. Что касается фермерских хозяйств, то, занимая в 1999 г. 6,9% сельхозугодий, они производили всего 2,5% продукции. Объясняется это тем, что некоторая часть фермерских хозяйств существовала только на бумаге, «фермеры», зарегистрировав свое хозяйство, занимались торговой деятельностью и свою землю не обрабатывали, а некоторые «фермеры» обрабатывали только часть своих земель, практически производя продукцию лишь для своего собственного потребления [Wegren 1996, p. 113; Yefimov

2003, р. 162–168]. Как это ни покажется странным, но наиболее успешными российскими фермерами 90-х годов были бывшие руководители и специалисты коллективных хозяйств. Уехав в молодости учиться в город, а затем заняв руководящие должности на селе, они полностью освободились от «социально-генетического кода» отсутствия мотивации к повышению своего благосостояния. Кроме того, они обладали многими знаниями, в том числе и управленческо-экономическими, необходимыми фермерам, которыми рядовые работники коллективных хозяйств не обладали. Наконец последнее, но далеко не последнее по важности: руководители и специалисты коллективных хозяйств, особенно первые, были еще в советское время членами местных административно-хозяйственных сетей, которые продолжали действовать и после изменения в России политического и экономического строя. Именно в рамках этих сетей и шла значительная часть сельской постсоветской экономической жизни.

Хозяйства населения, среди которых наибольший вес занимали ЛПХ, были ориентированы, как и раньше, прежде всего на самопотребление. Потому надежды ряда отечественных и иностранных экспертов на то, что личные подсобные хозяйства станут зародышами фермерских хозяйств, не оправдались. Основную массу товарной продукции производили по-прежнему коллективные хозяйства. Как и перед коллективизацией, было много причин низкого уровня товарности русских крестьянских хозяйств (для ЛПХ это было, среди всего прочего, отсутствие надлежащей инфраструктуры), однако, как и тогда, основной причиной, по нашему мнению, была их проистекающая из глубины веков «социально-генетическая» запрограммированность на производство ради самопотребления. Количество личных подсобных хозяйств в 1990-е годы практически не менялось – оно просто определялось количеством сельских семей в стране. Размер земельного участка удвоился и стал чуть менее 0,5 гектара, однако основная часть корма для животных в ЛПХ по-прежнему выращивалась в колхозах/совхозах (бывших). Роль ЛПХ в жизни сельских жителей СССР вообще и России (РСФСР) в частности была всегда высокой. Его доля в доходах семьи менялась, и если в сталинский период она приближалась к 100%, то с 80-х годов составляла примерно четверть. С началом аграрной реформы в 1990-е годы эта доля резко возросла, приближаясь для многих к 100%.

Вышесказанное ни в коем случае нельзя рассматривать как утверждение об отсутствии в 1990-е годы каких бы то ни было важных изменений в русской институциональной аграрной системе. Изменения были неизбежны ввиду ликвидации КПСС, а в связи с этим и райкомов, игравших, как было отмечено выше, центральную роль в управлении сельским хозяйством в СССР. Однако сразу после ликвидации КПСС и распада Советского Союза районные администрации приняли от райкомов и РАПО эстафету по управлению сельским хозяйством района. Институт района–поместья–вотчины–предприятия продолжал действовать в условиях перехода к рынку. Не всегда управляющая деятельность районного руководства в 1990-е годы вредила производству продовольствия в районе. Проводя обследование в августе–сентябре 1999 г. в ряде районов Самарской области, автор данной статьи отметил крайне интересное явление. Развал сельского хозяйства в районе (производство продовольствия и переработка)

был тем выше, чем больше на деле реализовывались приватизация и либерализация. В тех районах, где реформу, объявленную президентом Ельциным, старались максимально игнорировать и по существу в значительной степени сохранили характер отношений между районом и хозяйствами/предприятиями, результаты были не столь печальными [Yefimov 2003, p. 192–205]. На самом деле объяснение этому явлению очень простое: с экономической точки зрения, результаты будут лучше там, где имеются какие-то, пусть даже и не очень эффективные, институты (правила), чем там, где правила, в рамках которых люди привыкли работать, отменены, а новые или вообще не введены, или люди их еще не освоили либо не хотят применять, так как их применение противоречит убеждениям и интересам работников. Это касалось прежде всего покупки и продажи земли.

В рамках того же обследования автор обнаружил и другое интересное явление. В трудных условиях 1990-х годов не все коллективные хозяйства были нерентабельными: в каждом из семи обследованных районов имелись один-два достаточно успешно работавших хозяйства. Рентабельность некоторых никак нельзя было объяснить какими-то объективными причинами, например близостью к городу. Хозяйственные успехи этих хозяйств полностью определялись личностью руководителя, который совмещал в себе черты компетентного предпринимателя и озабоченного судьбой каждого сельского жителя вождя – духовного отца. Это не просто руководитель хозяйства, это настоящий глава общины, ее постсоветский староста. Обладая неоспоримым моральным авторитетом среди односельчан, он умел справиться и с такими мрачными явлениями российской деревни, как пьянство и воровство. Такую роль старост отчасти выполняли и менее уважаемые и успешные руководители хозяйств, и даже относительно крупные фермеры, поставляя ресурсы и оказывая услуги жителям села либо в счет арендной платы за земельные доли, либо просто по традиции.

Как и в начале XX в., в его конце русские крестьяне относились отрицательно к покупке и продаже земли. Они чувствовали как опасность для себя возникновение на всех бывших колхозно-совхозных землях частных сельскохозяйственных предприятий, ориентированных на прибыль, и понимали, что далеко не всех работоспособных жителей села эти предприятия смогут обеспечить работой. Они также были уверены, что с исчезновением коллективных хозяйств их доступ к ресурсам этих хозяйств (прежде всего кормам) для содержания своего личного скота прекратится. И уж конечно они знали, что «частники» не будут оказывать им те услуги, которые оказывали коллективные хозяйства как своим работникам, так и пенсионерам. Если в ответ на столыпинскую реформу русские крестьяне говорили «без общины нельзя», то на реформу 1990-х годов они реагировали аналогично: «без колхоза нельзя». В конце XX в. российская крестьянская семья была более зависима от общины (колхоза/совхоза), чем в его начале, так как объединенные «полевые наделы» теперь обрабатывались механизаторами (небольшой частью членов общины) с использованием средств механизации, а корма для скота, прежде всего зерно, производимые на этих полях, были доступны всем членами общины. Каналы поступления кормов в ЛПХ, т. е. в крестьянские хозяйства советского и постсоветского типа, были

как законными, так и незаконными. Наиболее распространенным способом законного поступления зерна из коллективного хозяйства в ЛПХ в советское время была натуральная оплата, а в постсоветское время – арендная плата за земельные доли. Незаконным способом поступления было воровство в коллективных хозяйствах, которое сельскими жителями не рассматривалось как преступное деяние. Это явление получило даже специальное название «несунство» и усилилось в постсоветское время. Сельское общественное мнение рассматривало как нечто само собой разумеющееся продажу на сторону части горючего из бензобака механизатором и «заимствование» дояркой для своей личной коровы ведерка комбикорма. Интересно отметить, что руководители коллективных хозяйств как до, так и после 1991 г. в большинстве случаев смотрели сквозь пальцы на несунцов, поскольку это, что может на первый взгляд показаться странным, давало им дополнительный рычаг власти над крестьянами, членами возглавляемой ими общины: в любой момент каждый из них мог быть обвинен и подвергнут соответствующим дисциплинарным или даже уголовным санкциям. Ворovali в коллективных хозяйствах не только рядовые жители села, но и их руководители. В постсоветское время большое распространение получил так называемый откат, когда сельхозпродукция, производимая в хозяйстве, продавалась ниже рыночной цены частным перекупщикам, а в обмен на некоторую долю разницы наличными попадала в карман главы коллективного хозяйства. Повсеместное воровство было одной из причин убыточности коллективных хозяйств.

Итак, русская аграрная институциональная система в ее советском варианте в 1990-е годы проявила необыкновенную устойчивость. Этой институциональной устойчивости способствовала борьба аграрной бюрократии против реформы как на местах, так и в Думе, но свою силу она во многом получала от поддержки российского крестьянства: деревня, с одной стороны, единодушно голосовала за КПРФ и Аграрную партию, а с другой стороны – молчаливо саботировала реформу.

Эволюция русской аграрной институциональной системы в начале XXI в.

Как и в начале предыдущего столетия, в начале XXI в. аграрный идеологический спектр российских политических партий был очень широк²⁴. Правые выступали за частную собственность на землю и были мало озабочены существующими формами сельскохозяйственных предприятий, надеясь, что рынок произведет сам по себе все необходимые изменения. Идеология фермерского будущего России, положенная в свое время в основу столыпинской реформы, была в 1990-е годы президентско-правительственной идеологией, имевшей определенную поддержку в городе, но абсолютно не воспринимавшейся в дерев-

²⁴ [Yefimov 2003, p. 45–54, 247–266].

не²⁵. Левые партии, КПРФ и Аграрная партия, были, по существу, за государственную собственность на землю, или, по крайней мере, против купли-продажи и залога земли сельскохозяйственного назначения. Они рассматривали бывшие колхозы и совхозы как адекватную форму для российского сельского хозяйства и предлагали вернуться к советской практике государственной опеки сельхозпроизводства. Сельские жители также хотели возврата позднесоветской колхозно-совхозной системы, в которой деревня была в определенной степени на иждивении у государства.

Аграрные идеологические спектры в России начала и конца XX в. схожи, однако принципиальная разница в том, что в начале века идеология русского крестьянства была противоположна идеологии правящего аграрного класса (помещиков), в то время как в конце века русское крестьянство полностью разделяло идеологию правящего аграрного начальства (аграрная хозяйственная вертикаль начиная с руководителей хозяйств) 1990-х годов. В рамках обследований, проведенных в августе – сентябре 1999 г. в Самарской и Ярославской областях и в феврале – марте 2000 г. в Саратовской и Нижегородской областях, (сбор информации относительно функционирования русских аграрных институтов²⁶), был получен поначалу совершенно для нас неожиданный результат идентичности идеологических убеждений крестьян и начальства. Обследования проводились в виде бесед²⁷. По диктофонным записям составлялись транскрипты, которые затем подвергались тщательному анализу. Одним из результатов этого анализа стал следующий список идей²⁸, разделяемых большинством наших собеседников:

1. Основные причины убыточности коллективных хозяйств – диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и недостаточные дотации сельхозпредприятиям.

2. Государство должно контролировать и финансировать сельское хозяйство, а также покупать значительную часть сельскохозяйственной продукции и в основном обеспечивать хозяйства ресурсами.

3. Наиболее подходящей формой сельскохозяйственных предприятий для России являются крупные хозяйства в коллективной и государственной собст-

²⁵ Мы уже отмечали выше роль журналистов в старте фермерского движения во время перестройки. Единственной политической партией 1990-х годов, практически безоговорочно разделявшей эту идеологическую позицию, стала Крестьянская партия России, лидером которой был и остается журналист Юрий Черниченко. Во время встречи автора с Ю.Д. Черниченко в Москве в августе 1999 г. он охарактеризовал свою партию как «партию-головастика», у которой есть руководство, но по существу нет членской базы. В декабре 2007 г. было объявлено о ее слиянии с Республиканской партией России.

²⁶ Значительно более обширные обследования постсоветского села были проведены Татьяной Нефедовой [Нефедова 2003, Нефедова, Пэллот 2006].

²⁷ В Самарской области прошли беседы (углубленные интервью, которые нередко длились несколько часов) с 9 руководителями коллективных хозяйств, 22 рядовыми работниками этих хозяйств, 5 главами районных администраций, 4 начальниками сельскохозяйственных отделов районных администраций, 13 специалистами и фермерами.

²⁸ Все эти идеи можно легко опровергнуть или, по крайней мере, оспорить, но мы здесь в сколь угодно систематизированном виде этого делать не будем.

венности. Потенциально они эффективнее, чем семейные фермы, так как могут более успешно использовать достижения научно-технического прогресса.

4. Земли сельскохозяйственного назначения, кроме приусадебных, дачных и садовых участков, не могут быть предметом купли или продажи, оборот земельных долей внутри хозяйств должен быть также ограниченным. На Западе²⁹ значительная часть земель сельскохозяйственного назначения находится в собственности государства и сдается фермерам в аренду.

5. Русские веками работали в сельском хозяйстве коллективно³⁰. Работники сельского хозяйства в России склонны к коллективизму, они могут трудиться только в коллективных хозяйствах.

6. Государство должно поддерживать все формы сельскохозяйственного производства: коллективные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства и хозяйства населения.

Автор задался вопросом, насколько эти идеи могут доминировать и в будущем в сообществе российских аграриев-профессионалов. А так как будущие аграрии-профессионалы, прежде, чем ими стать, неизбежно проходят обучение в сельскохозяйственных вузах и техникумах, то необходимо было узнать, какое хождение имеют эти идеи среди преподавателей сельскохозяйственных вузов и техникумов и насколько студенты сельскохозяйственных университетов и техникумов, будущие аграрии, их разделяют. В декабре 2000 г. с этой целью автором было проведено обследование высших и средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений в пяти российских регионах. С преподавателями проводились беседы по тем же темам, что и с руководителями коллективных хозяйств и чиновниками сельскохозяйственных районов. Всего были проведены беседы с 26 преподавателями. Что касается студентов, то среди них были проведены анкетные опросы, в которых вопросы были идентичны тем, что задавались преподавателям, а варианты ответов соответствовали как перечисленным выше идеям, так и им противоположным. Всего таким образом было опрошено 1455 студентов.

Большинство преподавателей, причем не только старшего поколения, разделяли вышеперечисленные идеи. Интересно отметить, что некоторые преподаватели во время бесед путали понятие собственности с понятием иерархической подчиненности. Так, отвечая на вопрос «Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?» они указывали, каким административным органам эти хозяйства должны подчиняться. На один из наиболее значимых вопросов, а именно «Какие три формы сельскохозяйственных предприятий вы считаете наиболее подходящими для вашей области?», количество студентов (в процентах), выбравших тот или иной вариант ответов, были следующими:

²⁹ Данная идея является абсолютно ложной, но миф, основанный на ней, был на удивление очень широко распространенным и выполнял функцию «обоснования» предыдущего утверждения.

³⁰ Удивительно, насколько единодушно практически все участники бесед повторяли эту фразу, хотя очевидно, что русские веками работали в сельском хозяйстве преимущественно индивидуально в рамках своих крестьянских хозяйств.

Таблица 3. Количество студентов, выбравших варианты ответов на вопрос: «Какие три формы сельскохозяйственных предприятий вы считаете наиболее подходящими для вашей области?», %

Хозяйства	Кол-во студентов, %
А. Крупные хозяйства в собственности всех их работников	61,7
Б. Крупные хозяйства в собственности их управленцев	35,9
В. Крупные хозяйства в собственности внешних частных лиц	23,6
Г. Крупные хозяйства в собственности внешних юридических лиц	18,1
Д. Крупные хозяйства в муниципальной собственности	29,7
Е. Семейные фермерские хозяйства без наемного труда	33,4
Ж. Семейные фермерские хозяйства с наемным трудом	56,8
З. Хозяйства населения (ЛПХ)	31,1
И. Если другие, то назовите их	1,2

Формулируя варианты ответов на этот вопрос, я не включил в них «крупные хозяйства в собственности государства», так как считал, что в 2000 г. никто из студентов, проживших половину своей жизни в условиях русского капитализма, не выберет этот вариант. Можно сказать, что почти случайно я включил соответствующий вариант в множество ответов на следующий вопрос: «Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?». Каково же было мое удивление, когда я стал устойчиво в разных вузах и техникумах, расположенных в далеких друг от друга регионах, получать примерно четверть студенческих голосов в пользу государственных сельскохозяйственных предприятий. Необходимо отметить, что в отличие от предыдущего вопроса, где предлагалось выбрать три наиболее подходящих ответа, этот требовал выбора только одного ответа. Те ответы, в которых присутствовало более одного варианта, рассматривались как недействительные (их оказалось 3,2%) и не были засчитаны, однако, что очень существенно, большинство студентов выбрали одновременно варианты А и Г (см. табл. ниже). Для многих было нелегко сделать выбор между этими двумя вариантами. По нашему мнению, это есть не что иное, как современная форма русской идеи: земля великого князя, земля государственная, но пользуется и управляет ей мир.

Вышеописанная идеология успешно существовала в условиях оппозиции по аграрным вопросам между центральной исполнительной и центральной законодательной властью, а также значительной независимости региональных властей от центра и их влияния в законодательном собрании (губернаторы и главы областных законодательных собраний были сенаторами)³¹. Этой оппозиции между центральной исполнительной и центральной законодательной властью и влиянию региональных властей настал конец с приходом к власти

³¹ Многие представители региональных властей разделяли вышеописанную аграрную идеологию: «По вопросу купли-продажи земли две трети Совета Федерации ответили отрицательно, при этом представители законодательных органов власти (71%) оказались более радикальными, чем представители исполнительной власти (56%)» [Коробейников 2003, с. 95].

В.В. Путина. Он восстановил вертикаль исполнительной власти и обеспечил в Думе лояльное президенту большинство.

Таблица 4. Количество студентов, выбравших варианты ответов на вопрос «Кому, по вашему мнению, должны принадлежать бывшие колхозы и совхозы?», %

Регион, учеб. заведение	Варианты ответов студентов, %					
	А. Коллективам предприятий	Б. Нынешнему руководству предприятий	В. Частным ли- цам, которые приобретут эти предприятия	Г. Госу- дарству	Д. Организа- циям-инвес- торам	Е) Другим
Вся выборка	29,2	6,0	27,0	25,3	11,7	0,8
Москва	26,0	8,2	32,9	12,3	17,8	2,7
Ленинградская обл.	33,3	10,0	33,8	15,9	6,5	0,5
Курская обл.	27,9	5,3	27,3	24,7	14,0	0,8
Ростовская обл.	27,4	4,4	25,0	33,5	9,0	0,7
Новосибирская обл.	32,0	6,4	22,4	24,4	14,4	0,4
Вузы	29,6	4,6	25,7	24,1	15,0	0,9
Техникумы	28,4	8,3	29,0	27,3	6,5	0,6

Будучи еще премьер-министром, 1 декабря 1999 г. Путин поручил Центру стратегических разработок, возглавляемому его петербургским соратником Г.О. Грефом, выработку новой экономической политики, частью которой являлась аграрная. На заседании Правительства Российской Федерации 27 июля 2000 г. были одобрены «Основные направления агропродовольственной политики правительства РФ на 2001–2010 годы». В них, в частности, предусматривалось, что «активную роль в регулировании продовольственных рынков должны играть негосударственные организации (отраслевые “продуктовые” союзы и ассоциации), создаваемые на добровольной основе». Эти отраслевые союзы (ассоциации), являясь промежуточным звеном между органами государственной власти и отраслью, представляют интересы предприятий в органах власти. В «Основных направлениях...» были сформулированы принципы земельных отношений в аграрной сфере, среди которых и такие: частная собственность и другие формы собственности на землю являются неотъемлемым элементом эффективного аграрного сектора; для успешного перераспределения земельных ресурсов между производителями необходим оборот земли и земельных долей.

В другом варианте «Основных направлений...», который предлагал Центр стратегических разработок, указывалось, что «центральной проблемой села является привлечение инвестиций». В нем предусматривалось, чтобы «основными частными инвесторами в сельское хозяйство стали предприятия перерабатывающей промышленности, заинтересованные в развитии своих сырьевых зон». Именно идеи этого варианта «Основных направлений...», несмотря на то что он, по-видимому, даже не был представлен на заседании Правительства, стали

воплощаться в жизнь. Россия начала XXI в. была уже капиталистической страной, но российская деревня во многом оставалась еще «советским оазисом». Этот «оазис» создавал проблемы для ближайшего к деревне городского промышленного сектора – сектора переработки сельхозпродукции. С обнищанием и декапитализацией коллективных хозяйств у крупных и средних перерабатывающих предприятий стали возникать проблемы: их требовалось снабжать сельхозсырьем в должном количестве и нужного качества. Вот почему поглощение в той или иной форме коллективных хозяйств своих сырьевых зон стало для перерабатывающих предприятий экономической необходимостью.

По данным Всероссийского института аграрных проблем и информатики, в России в 2006 г. было 413 государственных и муниципальных и 318 негосударственных агрохолдингов. На их долю в 2006 г. приходилось 26,5% товарной продукции крупных и средних сельскохозяйственных организаций. Негосударственные агрохолдинги занимали 9,1% сельхозугодий, в том числе 1% занимали агрохолдинги, принадлежащие иностранным юридическим и физическим лицам. В сельхозорганизациях, входящих в отечественные агрохолдинги, занято 8,5% работников всех крупных и средних сельскохозяйственных организаций. Значительно выше доля российских агрохолдингов в товарной продукции и прибыли (соответственно 10,8 и 12,5%). Наиболее эффективны сельхозорганизации, входящие в агрохолдинги с иностранными головными компаниями. Наименее эффективны государственные агрохолдинги. Муниципальные агрохолдинги убыточны. Эти муниципальные агрохолдинги представляют собой в определенном смысле возрождение идеи РАПО [Петриков А.В. и др. 2007, с. 32 – 36].

Можно ли рассматривать явление возникновения агрохолдингов как начало нового цикла в эволюции русской аграрной институциональной системы, где происходит практически возврат к частному поместью-вотчине, которое было важнейшим российским аграрным институтом со времен Екатерины II до Октябрьской революции? Выше отмечалось, что этот институт никогда не был легитимным в глазах русских крестьян и существование его вызывало многочисленные социальные взрывы, в том числе и две русские революции. Вряд ли от современных русских крестьян можно ожидать открытых бунтов, но они способны применить и применяют на практике другие, не менее эффективные формы протеста. Конечно, что касается собственности, то владельцы агрохолдингов резко отличаются от помещиков XIX в.: в большинстве случаев предприятия, входящие в агрохолдинги, арендуют землю (земельные доли) у крестьян, а не наоборот; но если ситуация со временем изменится? Может ли в настоящее время в России быть «мирное сосуществование» крупных капиталистических, экономически высокоэффективных сельскохозяйственных предприятий и сельским населением?

Если оставить в стороне вопрос о крестьянском мироощущении и рассматривать исключительно материальную сторону вопроса, то проблема, вызванная крестьянским безземельем в конце XIX–начале XX в., может стать в XXI в. проблемой, с крестьянскими хозяйствами, т. е. ЛПХ, вызванной отсутствием или недостаточной помощью бывших колхозов/совхозов, теперь входящих в состав агрохолдингов. Насколько мне известно, исследований по этому поводу

в России не проводится, но существуют некоторые не очень обнадеживающие свидетельства³².

Российское руководство и в начале XXI в. продолжало стремиться к превращению России в «нормальную» страну, отсюда и желание во что бы то ни стало ввести куплю-продажу земли, в том числе и земель сельскохозяйственного назначения. В конечном счете в Госдуму правительством был направлен проект Земельного кодекса, предусматривающего куплю-продажу и залог земли, но содержащего отсылку к будущему закону об обороте земель сельскохозяйственного назначения. В таком варианте Земельный кодекс был принят ГД ФС РФ 28 сентября 2001 г. Предстоял еще почти год борьбы, в течение которого позиции президента Путина усилились, чтобы Госдума 26 июня 2002 г. приняла Закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», также предусматривающего куплю-продажу и залог земли. Насколько принятие этого закона привело к активизации практики купли-продажи земель, в том числе через продажу земельных долей, судить пока еще очень сложно. Принятые через год два других закона, а именно Закон от 11 июня 2003 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и Закон от 7 июля 2003 г. «О личном подсобном хозяйстве», завершают юридическое оформление варианта русской аграрной институциональной системы начала XXI в.³³ В первом из них законодательно устанавливался преимущественно семейный характер такого типа хозяйств, а второй подчеркивал непредпринимательский, т.е. направленный преимущественно на самообеспечение, характер деятельности в ЛПХ. Законодательно происходит возврат к вековой русской крестьянской практике двух типов земельных участков: приусадебного и полевого.

Каковы результаты – в цифрах – функционирования российских аграрных институтов в начале XXI в.? Произошла некоторая стабилизация производства зерна – около 20% ниже дореформенного. По ряду продуктов растениеводства, таких как масличные, сахарная свекла и овощи, дореформенный уровень перекрыт и наметившийся рост продолжается. Однако и без того катастрофическое положение в отечественном животноводстве продолжает ухудшаться. Так, снижается поголовье коров: 1990 г. – 20,5 млн голов, 1995 г. – 17,4, 2000 г. – 12,7,

³² Одно из них исходит от председателя совета директоров Группы компаний «ЭФКО» В.Н. Кустова, который был в числе самых активных проводников идеи создания вертикально интегрированных агропромышленных компаний для повышения эффективности сельскохозяйственного производства в России [Кустов, Берзон, Липсиц, Филонович 2000]. Вот что он говорит по поводу взаимодействия его агрохолдинга с ЛПХ: «Мы пробовали охранять свои поля. Местные жители их убирают лучше любого комбайна. Хочешь не хочешь, пришлось строить систему управления конфликтными ситуациями с ЛПХ через обеспечение их кормами по такой цене, при которой уровень доходности в хозяйстве в сознании крестьян будет принят в качестве справедливого. Альтернатива – война со своим собственным народом» [Интервью, апр. 2001 г.]. В целом В.Н. Кустов пессимистично смотрит на перспективы вовлеченности крупных агропромышленных компаний в российское сельское хозяйство: «Земля – это не только источник богатства. Она вплетена в систему социально-экономических отношений на селе. Затронув земельные отношения, мы затрагиваем весь сельский уклад, включая моральный облик, психологические особенности крестьянства. <...> Если моральные нормы не позволяют селянам воровать друг у друга, они этого не делают. Но если у них в норме утащить что-то у инвестора – это они делают с задором и сообщая» [www.yabloko.ru].

³³ См. [Аграрное право, 2007].

2001 г. – 12,2, 2002 г. – 11,8, 2003 г. – 11,1, 2004 г. – 10,3, 2005 г. – 9,5, 2006 г. – 9,4 млн голов. Уменьшает производство кормов. Постоянно растет импорт мяса и молока. Доли сельскохозяйственных организаций, хозяйств населения, прежде всего ЛПХ, и КФХ в производстве сельскохозяйственной продукции стабилизировались. В 2006 г. они были соответственно 41,2%, 52,3% и 6,5% [Российский статистический ежегодник, 2007]. Сейчас трудно оценить, является ли наметившийся небольшой рост этой доли для крестьянских (фермерских) хозяйств долгосрочным. Во всяком случае, их число начиная с 2002 г. не только не увеличивается, но даже несколько уменьшается, а средний размер земельного участка растет крайне медленно. Эволюция сельскохозяйственных организаций, т.е. бывших колхозов и совхозов, более очевидна. По данным Росстата, число их в начале нынешнего века неуклонно уменьшается; напротив, их размер, имея в виду посевные площади, остается неизменным. По-прежнему, как и в 1990-е годы, среди них доля убыточных очень велика – между 32 и 55%. Количество вносимых минеральных удобрений увеличивается очень медленно и достигло в 2006 г. уровня 1970 г., в то время как в 1990 г. вносилось удобрений в три раза больше. Декапитализация бывших колхозов и совхозов, стартовавшая в 1990-е годы, продолжается, в частности продолжает уменьшаться их обеспеченность тракторами и комбайнами. И уж совсем удручающее положение дел с ростом поголовья крупного рогатого скота, в том числе молочного стада [Российский статистический ежегодник, 2007]. Что касается хозяйств населения (прежде всего ЛПХ), то этот тип хозяйства так же, как и 100 и более лет назад, проявляет необыкновенную устойчивость по объемам производства и по количеству имеющегося в таких хозяйствах поголовья скота.

Российское руководство, по-видимому, сознает важность принятия серьезных мер по развитию отечественного сельского хозяйства. Но эти меры оно ищет теперь не в области реформ, а в области программ и проектов, т.е. в области аграрной политики, не претендующей на изменение существующих аграрных институтов. «Магистральная политика реформ» была заменена «политикой национальных проектов» [Чадаев 2006, с. 100]. Одним из таких проектов является Приоритетный национальный проект «Развитие АПК». Кроме этого, разработана «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы», которая была утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2007 г. № 446. Изучая эту программу, можно предположить, что моделью для нее послужила «Продовольственная программа СССР», принятая 25 лет назад на майском Пленуме ЦК КПСС.

Заключение

В начале 1990-х годов ни у российских реформаторов, ни у их зарубежных советников не было понимания того, что собой представляет советская аграрная институциональная система, состоящая из трех взаимодействующих элементов: ЛПХ как непосредственного продолжения традиционного русского крестьянского хозяйства, сельского района как истинного советского сельскохозяйст-

венного предприятия-поместья-вотчины и колхозов/совхозов как, с одной стороны, цехов этих предприятий, а с другой стороны – продолжения института сельских общин, выполняющих, как и раньше, в течение нескольких веков, двойную роль – механизма управления крестьянами в их взаимодействии с предприятием-поместьем-вотчиной и механизма организации выживания крестьян – членов общины. Село отреагировало на либеральную реформу 1990-х годов институциональной стабильностью колхозно-совхозной системы, при которой происходила ее материальная деградация. Однако внутри российского сельского хозяйства ни одна из имеющих отношение к сельскому хозяйству социальных групп не была заинтересована в изменении статус-кво. Аграрная реформа 1990-х годов завела российское сельское хозяйство в тупик, и продовольственная зависимость России только увеличилась.

Эволюция русской аграрной институциональной системы за истекшие годы первого десятилетия XXI в. не только не отдалила, но в каком-то смысле приблизила ее к аграрной системе, существовавшей в России в начале XX в. Действительно, институт крестьянского хозяйства проявляет по-прежнему необыкновенную устойчивость, сохраняя свои основные черты на протяжении многих веков. По-прежнему крестьянские хозяйства, т. е. советские ЛПХ, которые так и не поменяли своего названия, не могли существовать вне общины, роль которой играли бывшие колхозы/совхозы. Приближение к русской институциональной системе по ее состоянию после реформы Екатерины II произошло благодаря появлению частных поместий-вотчин, в том числе и очень больших размеров, встроенных в агрохолдинги. Наконец, органы территориального управления все еще являются важным элементом системы и многие решения относительно сельского хозяйства на подчиненных им территориях исходят от них. Роль территориальных органов по распределению государственных ресурсов между агентами на подчиненной им территории, впервые появившаяся в советское время, в последние годы не уменьшается, а усиливается. Что касается института фермерства, т. е. КФХ, которого не было в исходной русской аграрной институциональной системе и который не получил развития в рамках реформ, нацеленных именно на него (стольпинская реформа и реформа 1990-х годов), то в настоящее время он по-прежнему играет маргинальную роль и нет особых признаков изменения такой роли. В основном это происходит из-за отторжения русской аграрной системой, всей сельской средой чуждого ей элемента.

По-видимому, в последние годы российское руководство решило прекратить попытки институциональных реформ сельского хозяйства и начало решать имеющиеся в этой отрасли жгучие проблемы с помощью национальных проектов и программ неинституционального характера. Если так, то, по нашему мнению, это является серьезной ошибкой.

Литература

- Аграрное законодательство Российской Федерации / Сост. М.С. Пашова. М.: Юрист, 1999.
Аграрное право: Учебник / Под ред. С.А. Боголюбова и Е.Л. Мининой. М.: ЭКСМО, 2007.

- Аграрный вопрос в программах политических партий России: Документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. / Под ред. В.И. Черноиванова. М.: ГОСНИТИ, 2000.
- Гайдар Е. и др. Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России 1991–1997. М.: Ин-т экон. проблем переходного периода, 1998.
- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005.
- Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / Под ред. Т. Шанина и А. Гордона. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Данилов В. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Материалы конференции «Крестьяне и власть». Москва – Тамбов, 1996.
- Дебаты о земле в Государственной думе (1906–1917 гг.): Документы и материалы / Под общ. ред. В.И. Черноиванова и В.В. Шелохаева. М.: ГОСНИТИ, 1995.
- Ефимов В.М. Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // Вопр. экономики. 2007а. № 8.
- Ефимов В.М. Спор о методах и институциональная экономика // Экономический вестник Рост. гос. ун-та. 2007б. Т. 5. № 3.
- Зеленин И.Е. Характерная страница аграрной истории России (Как решалась зерновая проблема при Н.С. Хрущеве) // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999.
- История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. М.: www.hrono.info, 2001.
- Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 / Под ред. А.В. Чаянова. М.: ЦСУ СССР, 1928.
- Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987–1989.
- Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи / Под общ. ред. В.А. Федорова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Коробейников М.А. Земельные отношения в России: мифы и реальность. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2003.
- Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М.: КомКнига, 2006.
- Кустов В.Н., Берзон Н.И., Липиц И.В., Филонович С.Р. Программа создания вертикально интегрированных агропромышленных компаний для повышения эффективности сельскохозяйственного производства в России (Проект) // Мир России. 2000. № 3.
- Ленин Н. К деревенской бедноте: Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Женева: Загран. лига рус. рев. социал-демократии, 1903.
- Ленин В.И. О кооперации. М.: Изд-во АПН, 1979.
- Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь, 1995.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1997.
- Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
- Материалы майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. М.: Политиздат, 1982.
- Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI века. М.: Наука, 2005.
- Народное хозяйство в СССР в 1988 г.: Стат. ежегодник. М.: Госкомстат, 1989.
- Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002.
- Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое изд-во, 2003.

- Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова. М.: Новое изд-во, 2006.
- Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
- Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика, 1996.
- Петриков А.В. и др. Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2004 – 2006 гг. М.: Энциклопедия российских деревень, 2007.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1962.
- Проскурякова Н. Столыпинская реформа: выход из кризиса // Отеч. записки. 2004. № 1.
- Пэллот Дж. Разрушила ли общину столыпинская реформа? // Отеч. записки. 2004. № 1.
- Резервы аграрной экономики: Материалы Всесоюзного экономического совещания по проблемам агропромышленного комплекса. М.: Политиздат, 1984.
- Российский статистический ежегодник: Офиц. изд. М.: Росстат, 2007.
- Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юр. литература, 1984–1994.
- Сельское хозяйство в России: Стат. сб.: офиц. изд. М.: Госкомстат, 1998.
- Сельское хозяйство в России: Стат. сб.: офиц. изд. М.: Госкомстат, 2000.
- Справочник председателя колхоза / Под ред. А.П. Чебарова. М.: Колос, 1983.
- Сталин И. Вопросы ленинизма. М.: Политиздат, 1952.
- Чадаев А. Путин. Его идеология. М.: Европа, 2006.
- Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
- Чернышев М.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. М.: Фонд «Начала», 1997.
- Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии: Учеб. пособие. М.: Гардарика, 1998.
- Commons J.R. Legal Foundations of Capitalism, reprinted New Brunswick: Transaction Publishers, 1995.
- Confino M. Domaines et seigneurs en Russie vers la fin du 18-e siècle. Paris: Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris, 1963.
- Danilov V.P. The Commune in the Life of the Soviet Countryside before Collectivisation // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society / Ed. by R. Bartlett. London: MacMillan, 1990.
- Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR. An Agenda for the Transition, Washington, D.C.: The World Bank, 1992.
- Kitching G. The Revenge of the Peasant? The Collapse of Large-Scale Russian Agriculture and the Role of the Peasant 'Private Plot' in that Collapse, 1991–1997 // The Journal of Peasant Studies. V. 26. October 1998.
- Mendras H. La fin des paysans. Paris: Babel, 1984.
- Mendras H. Les sociétés paysannes. Paris: Editions Gallimard, 1995.
- Préobrazjensky E. La nouvelle économique. Paris: E.D.I., 1966.
- Schmoller G. Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998.
- Wegren S.K. The Politics of Private Farming in Russia // The Journal of Peasant Studies. V. 23. 1996. № 4.
- Yefimov V. Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.